

Инна Часевич.

Школа в кольце и другие рассказы...

(Сборник рассказов и повестей).

СОДЕРЖАНИЕ

ШКОЛА В КОЛЬЦЕ (Повесть).....	3
<i>Марьянна</i> (Часть первая).	
<i>Начало дружбы.</i>	
<i>Печка</i>	4
<i>Налет</i>	6
<i>Мальчишка со светлыми волосами</i>	8
<i>Николай Матвеевич</i>	10
<i>Обход</i>	17
<i>Дежурство</i>	19
<i>Праздник</i>	21
<i>Нина</i>	22
<i>Ёлка</i>	25
<i>Сюрприз</i>	26
<i>Ночная встреча</i>	28
<i>Марьянна</i>	30
<i>Чудеса</i>	32
<i>Жизнь продолжается</i>	34
<i>Смерть</i>	35
<i>Художник</i> (Часть вторая).	
<i>Дистрофия</i>	37
<i>Трамвай</i>	39
<i>Письмо</i>	40
<i>Выпускной</i>	41
<i>Водопроводчики</i>	42
<i>Слова</i>	45
<i>Дрова</i>	45
<i>Столовая</i>	46
<i>Книги</i>	48
<i>Госпиталь</i>	49
<i>Радость</i>	54
<i>Болезнь</i>	55
<i>Огород</i>	56
<i>Эпилог</i>	57
ВСТРЕЧА (История одной фотографии).....	58

МАТВЕИЧ.....	61
МАМА.....	65
ТОСЯ И ЗОСЯ.....	69
КАТЮША.....	76
КОЛЕЧКО.....	81
ГЛУБОЧИЦА.....	85
ПИСЬМО ДЕДУ.....	89

Школа в кольце.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МАРЬВАННА.

Начало дружбы.

- Мы должны найти того, кто крысятничает... Последнее дело у своих брать. Вовка переводил взгляд с одного худого и бледного лица на другое и строго смотрел в глаза каждому из мальчишек, обступивших его плотным кольцом. Самому старшему было шестнадцать, самому младшему – десять. Эти ребята тогда еще не то, что не дружили, а даже и не общались – учились в разных классах – какой интерес с мелкими возиться? Как только ученики услышали из черных репродукторов про войну – сразу собрались во дворе школы. В тот июньский день сюда пришли те, кто не успел уехать к бабушкам в деревню или с друзьями в пионерский лагерь – лето еще только начиналось. Вот среди таких «неуспевших» и оказались Вовка, Мишка, Олег и Севка с Данькой – эти двое, правда, давно были закадычными друзьями, ну, а потом и со всеми остальными сдружились. Стали они почему-то, не сговариваясь, вместе держаться в те летние дни, когда рыли окопы на подступах к городу. Тогда ребята впервые увидели прямо над головами немецкие самолеты со свастикой на крыльях и довольные лица летчиков, которые сидели в стеклянной кабине, как в этажерке – друг над другом. Самолет пролетел и вдалеке раздался взрыв... Потом еще один и еще... Все выскочили из свежерытых траншей и побежали по пыльной, залитой палящим солнцем дороге. Они бежали, пока хватало сил, сколько километров осталось позади - никто не знал. Наступил вечер, и все вышли на станцию, ждать поезда, чтобы вернуться в Ленинград, который еще не понимал всего ужаса надвигающейся беды. Пока стояли на насыпи, увидели медленно пыхтящий мимо паровоз, на котором два

железнодорожника, перевесившись через поручни, показывали всем огромный осколок снаряда. Вечером, когда поезд в город наконец-то пришел, они все вместе, подсаживая друг друга, забирались в вагон прямо с насыпи, а потом так же дружно встретились через день во дворе школы. Так для ребят началась война. Как они теперь будут жить и что делать, друзья не знали. Севка с Данькой, как самые старшие уже были в военкомате, только их на фронт не взяли – сказали подрасти, школу закончить, потом приходить. Правда, не верилось, что война затянется надолго и вряд ли тогда они успеют повоевать, но сейчас самое главное было найти дело, нужное и важное для победы. И они нашли, и Мишка, и Вовка, и Олег и Даня с Севкой. Ребята стали приходить в школу ежедневно, и хотя учеба все не начиналась и не начиналась, с раненого утра их голоса уже слышались во дворе, только не в игры они играли здесь, не в казаки-разбойники бегали, или в лапту гоняли... Старшие на крышах дежурили, с «зажигалками» расправлялись, те, кто помладше, или им помочь старались, или шли к эвакуированным на третий этаж – там тоже работы хватало – то с малышами посидеть, то старикам дров наносить, то у врачей «на подхвате» побывать. Да! Еще в госпиталь, который недалеко расположился, успеть «смотаться», там тоже всегда работа находилась. А в один из пока еще теплых сентябрьских дней отправились они все вместе к больнице Мечникова – родителям помочь. На счастье, там остались неубранными стебли кормовой капусты, на которых торчали зеленые листья. Людей на поле собралось так много, что оно казалось одной разноцветной, шевелящейся, говорящей массой. Размахивая наволочками, ребята бегали по полю, собирая драгоценную хряпу – нижние, самые жесткие, обычно никому не нужные листья. Смеркалось. Последний раз оглянувшись на поле, Витя, Мишкин одноклассник, вместе со всеми, целый день собиравший «урожай», увидел, что листья везде «подмели» подчистую. Теперь здесь торчали одни кочерыжки, напоминая остовы разбитых бурей кораблей, а они и были остовами – осколками мирной жизни, вмиг ставшей такой далекой... Витька вглядывался вдаль, стараясь запомнить до мельчайших подробностей этот летний день: серую, пылящую землю, торчащие из земли голые стебли, и людей, устало бредущих по обочине с белыми наволочками, набитыми хряпой. Дома он обязательно возьмется за карандаш – только рисуя можно забыть обо всех тяготах...

В таких то заботах, тревогах и трудах проходили первые военные месяцы, за которые ребята успели сдружиться и стать неразлучной ватагой. А уж когда с ноября учеба началась, вовсе каждый день видеться стали и норовили все

время вместе держаться.

Печка.

Вот и теперь вся компания собралась в школьном коридоре второго этажа рядом с дверью в учительскую. Это было самое теплое место во всей школе. Сюда прибегали на переменах и учителя, и немногочисленные ученики хоть чуть-чуть «вздохнуть» теплом, чтобы не так «замерзало» на уроках, когда пальцы белели от холода, а чернила с таким трудом добываемые завхозом Гаврилой Иванычем, превращались в синие ледышки. Тот же Гаврила Иваныч и печку в учительской топил – уж Бог знает, где он находил столько обломков старой мебели и вынутых эвакуированными, но не успевших сгореть, паркетин, только печка эта грелась исправно. В эту самую печку на ночь прятали ребята совсем небольшие кусочки лепешек из лебеды, отломанные от школьного обеда, который давал какие-никакие, а силы жить. Некоторые ученики только ради этой еды и находили еще силы ходить в школу. Жалея измученных голодом детей, у них не вырезали талонов из карточек, и на них можно было отоварить еще что-то съестное. Правда, суп из жмыха или дрожжей трудно было считать не то, что вкусным, но даже просто съедобным, все равно это был обед!!! И если бы не он...

Однажды как-то так само собой получилось, что те, кто покрепче, почти не сговариваясь, решили оставлять пусть совсем крохотные, но все-таки вполне съедобные кусочки «про запас», чтобы потом можно было отдать их тому, кому совсем плохо. Одному трудно выжить, а вместе можно попробовать «прорваться». И так уже многих не досчитались за эти месяцы. Иногда ребята оставляли даже не просто кусочек, а целую лепешку – богатство по военному времени... Правда, не так уж редко, тем же вечером или утром другого дня они возвращались к печке и, мучимые не проходящим чувством голода, доставали и тут же «проглатывали» оставленные «про запас» куски. Но ели они свои, чужое брать никому и в голову не приходило. Гаврила Иваныч печку не начинал топить, пока не вытащит еду и бережно завернув в бумагу, не оставит у себя на столе, чтобы потом, после уроков положить все на место.

А вот теперь выясняется, что кто-то за спинами товарищей крадет эти крохи! Когда пропажа обнаружилась первый раз, ребята решили, что им показалось, когда такое повторилось, решили, что, наверное, кто-то «не выдержал» и съел припрятанное, а сегодня не пришел в школу, поэтому спросить не у кого. Но два дня назад Вовка, точно зная, что свою треть лепешки он не съел, утром подошел к печке, однако оставленное на прежнем месте не нашел. Это то и

стало первым звоночком нечестности кого-то из ребят. Вчера друзья тоже оставили две целые лепешки, разделив две оставшиеся на четверых, чтобы сегодня навестить с гостинцами своего любимого Николая Матвеевича. Учитель почему-то уже три дня не появлялся в школе, а такого с ним раньше никогда не случалось... Утром в печке лепешек не оказалось. Мальчишки растерянно молчали - сомнений уже быть не могло – кто-то их украл, нагло забрал у своих же товарищей, таких же измученных голодом ребят.

- Значит так, я думаю, что Николая Матвеевича все равно навещать пойдем, я лепешку оставляю от обеда, - строго сказал Вовка.

- И я, - тут же поддержал Олег.

- Я тоже свою возьму – слышалось от остальных.

- Вот и отлично, как только уроки закончатся, все берем с собой и идем, но того, кто крысятничает мы все равно поймем, пусть в глаза нам всем посмотрит, - твердо сказал Вовка, которого давно друзья признали за старшего. Погрев напоследок руки у «учительской» печки, ватага двинулась к лестнице с витыми перилами – пора было возвращаться в классы на урок.

Налет.

В ту же минуту, неприятно прорезав тишину, «заголосила» сирена воздушной тревоги, но никто из ребят не побежал вниз, все так привыкли к ее завываниям, что давно перестали спускаться в убежище – берегли силы, считая, все равно, чему быть, того не миновать. По коридору быстрым шагом прошла высокая, почти прозрачная десятиклассница Ира в ватнике, с противогазной сумкой через плечо, серьезная и сосредоточенная – она торопилась дежурить на крышу – тушить зажигательные бомбы. Мальчишки потянулись за ней. Хоть и маловаты некоторые были для «дежурств» на крыше, а помочь любимому городу и своей школе всем хотелось. Налет был особенно страшным, грохот стоял такой, что посуда на полках столовой скакала, как сумасшедшая, этот час был похож на ад. Под конец бомбежки в учительскую влетел снаряд, оставив безобразные дыры в стене и потолке, и вылетев в окно, упал во дворе. В этот раз ни погибших, ни раненных не было: мелкие ребята и учителя были в это время в другом конце большой комнаты. После отбоя пришлось, правда, перевязать обожженную руку Мишки – задела его одна из немецких «зажигалок», «плюнула» из последних сил прямо на руку, пока тот ее лихо закидывал песком, в изобилие насыпанном на крыше. Мишка сначала и внимания на боль не обратил, это уж когда возбужденная ватага во главе с бойцом ПВО серьезной и сосредоточенной Иррой, спустилась на второй этаж, увидела девушка, что не копать на руке у пацана, а кровь

запеклась. Быстро и деловито обработав рану, Ира собралась доложить в штаб, что зажигательная бомба, попавшая на крышу школы, потушена и пострадавших нет. Она, правда, напоследок оглянулась с сомнением на Мишку, размышляя, стоит ли его считать пострадавшим, но потом, решив, что все-таки не стоит, ушла. В этот день в дневниках появилась становившаяся привычной надпись: «Тревога. Не учились».

Мальчишка со светлыми волосами.

На следующий день после уроков ребята опять собрались на излюбленном месте – у печки.

- Все, двигаем к Николаю Матвеевичу, его опять не было. Надо идти, пока не поздно, лепешку я прихватил - осипшим от холода голосом сказал Вовка. Все согласно закивали головами. Почему они решили поделиться с немолодым учителем своим и без того скудным пайком, ребята, наверное, даже себе ответить не смогли бы... Сказать, что они жили «сытее», чем другие – нельзя. Голод стал неотъемлемой частью их жизни, с ним они засыпали, с ним просыпались, только во сне это чувство немного притуплялось, особенно, когда снились бабушкины щи или французский батон из булочной на Невском, правда, после таких «вкусных» снов он нападал с удвоенной силой. Но почему-то сейчас они все-таки медленно шли по Лиговскому, неся учителю лепешки из лебеды, переступая через замерзшие лужи воды и крови. В одном месте Мишка, увязавшийся за старшими, споткнулся и упал на какой-то холм. Он никак не мог подняться, барахтаясь на льду. Когда Вовка с Олегом подошли ему помочь, оказалось, что Мишка лежит на трупке мальчика со спутанными светлыми волосами. Рядом с ним валялось перевернутое ведро, вытекшая из него вода превратилась в лед, да и сам лежащий на красном снегу, давно стал ледяным холмиком. Подняв Мишку, ребята, несмотря на мороз, сняли шапки и застыли в молчании, глядя на погибшего. Первым заговорил Вовка.

- Я знаю, что мы выживем и будем хорошо жить... Не бывать тому, что бы мы погибли...

- Умрем, а не сдадимся немцам на погибель, - поддержал друга Олег-старший, имя которого на самом деле было Адольф. Родители своего первенца в честь друга-немца так называли. Только сейчас это имя «носить» было и неприятно, и страшно, вот и стали его звать не Доликом, а Олегом, только «старшим», поскольку в семье уже был один Олег - младший. Правда, хоть Долик-Олег и был старшим в семье из детей, и даже назывался таковым, но ему еще только

тринадцать исполнилось. Парень почему-то сильно серьезным вырос, не по годам. Его многие старшеклассники слушали и уважали, не говоря уж обо всей разновозрастной ватаге.

- Двигаем дальше? К Николаю Матвеевичу? - неуверенно спросил Сева, поглядывая на ребят, которые молчали, о чем-то думая, - Сейчас много... таких...на улицах лежит. У нас в соседнем магазине три дня одна женщина на ступеньках пролежала..., - продолжил он после паузы. Ребята медленно зашагали по мостовой, но через несколько шагов, не сговариваясь остановились. Первым повернул назад Олег, за ним потянулись остальные.

- Мы должны что-то сделать...не хорошо, что он так тут...лежит...А если б кто-то из нас вот так...на мостовой остался?...- спросил Олег.

- Ну да. Не хорошо? А что мы можем сделать? – веснушчатый Даня вопросительно оглядывал друзей. Все молчали, пытаясь понять, что они смогут сделать для погибшего мальчишки со светлыми волосами, да и смогут ли. Неожиданно первым робко заговорил Мишка:

- Я знаю! Честное пионерское, знаю, что делать! Когда дядя Слава-скрипач, сосед наш, помер, мы с мамкой не смогли его сами поднять, а папки не было – его редко с работы отпускают, вот мамка и пошла в милицию, - после этих слов Мишка почему-то замолчал.

- И? – нетерпеливо спросил Вовка, понимавший, что уходят драгоценные минуты.

- И пришел милиционер, - очнувшись, продолжил Мишка - в книжечку какую-то, ну, специальную такую записал, потом погрузил дядю Славу на саночки и увез, мы, между прочим, с мамкой ему помогали соседа по лестнице спускать. Ух, и тяжело было!

- Мы не можем сейчас идти искать милицию...Мы даже не знаем, в какой стороне самое близкое отделение находится. Кто знает - сколько времени на поиски уйдет? Нам спешить надо – вдруг Николаю Матвеевичу совсем плохо?

- сказал Олег но, немного помолчав, в раздумье продолжил, - и оставлять его здесь мы тоже не можем...

Все согласно закивали головами.

- Я знаю, что надо сделать! – опять встрял Мишка, - его надо увезти.

- Увезти? Куда? – вопросительно поглядел на друзей Севка, а они так же вопросительно посмотрели на него. Воцарилось молчание.

- Я знаю куда! – неожиданно воскликнул Мишка так громко, что ребята подпрыгнули от неожиданности.

- Напугал, знаток, - слегка улыбнулся Данька и потрепал младшего по голове.

- Когда Сашко умер, ну, который средний наш брат, он самый слабенький оказался... Он и до войны много болел, и осенью тоже, когда все началось... - немного помолчав, Мишка продолжил, - мы его в подвал отнесли, ну, в бомбоубежище, нам еще сосед дядя Слава помогал, который скрипач, он тогда еще не помер, он тогда нам потом еще музыку грустную сыграл... Я покажу – куда мы его отнесли!

Все опять посмотрели друг на друга.

- Я тут во дворе, у дома, видел кусок железа, вооо такой – Мишка широко развел в сторону руки, пытаюсь растянуть их как можно шире.

- Зачем он нам?

- Можно его (он быстро взглянул в сторону лежащего) на железо положить, ну, на кусок то этот и отвезти, как на санках... Так легче... и быстрее... Я видел – так делают... Честно, видел!

Все замолчали, обдумывая Мишкино предложение.

- Молодец, мелкий, дело говоришь, - подытожил Вовка, - показывай, где кусок свой видел.

Мишка, обрадованный, что и он пригодился, махнув призывно рукой, зашагал назад, за ним двинулась вся ватага. И действительно, буквально через пару метров, в подворотне лежал кусок листового железа, скорей всего сорванный с крыши во время бомбежки. Взяв лист с собой, они вышли на проспект, осторожно переложили на него мальчишку со светлыми волосами и повезли. Впереди шли Олег-старший и Вовка, сзади «повозку» толкал Мишка, по краям поддерживали Сева и Даня. Ребята шли медленно: как ни мал был погибший, тяжело было его везти по неровной мостовой, пересекая застывшие ледяные потеки, искореженное железо, валявшиеся повсюду осколки стекла и битого кирпича. Навстречу шли люди, больше похожие на тени, в одном месте пришлось уступить дорогу старушке, замотанной до самых глаз платком. Она, не глядя по сторонам, низко наклонившись над мостовой, шла, с трудом таща за собой санки с ведром, точно таким же, какое вез несколько дней назад светловолосый мальчишка. Проводив взглядом старушку, они двинулись дальше. Неожиданно Мишка закричал:

- Вот! Здесь! Точно! Тут еще балкон такой смешной, с картинками...

- С витражами, - поправил Сева, он был любителем чтения и мог часами делиться знаниями с друзьями.

- Ну, я и говорю, - скороговорил Мишка, - с этими, ну, как ты сказал, я по ним и запомнил. Мы хотим Саньку потом... похоронить по-людски... Я поэтому точно запомнил! - горячо прибавил Мишка, что бы ребята не сомневались,

стоит ему доверять или нет. Друзья свернули в арку, и подошли к подъезду трехэтажного дома. Олег с Вовкой, Севой и Даней подхватили мальчишку на руки и понесли в подвал. Мишка, как самый мелкий, которого берегли и от тяжелой ноши и от возможности увидеть мертвого брата, остался ждать на улице. Притоптывая от мороза у стены дома, он то и дело заглядывал в подъезд. Ему казалось, что время остановилось, что они с мамой и дядей Славой Саньку быстрее «похоронили» в том огромном подвале. Когда ватага снова появилась во дворе, лица ребят показались Мишке еще более серыми и осунувшимися. Они остановились и несколько минут молчали. Первым заговорил Олег-старший.

- Как много там... - он запнулся, подбирая подходящее слово, а потом все-таки закончил, - людей... лежит.

- Лежит... Я вот видел, как покойники стоят! – Мишкины глаза, от голода казавшиеся огромными, еще больше округлились, - честно! В простынках, их к стене дома прислонили, вот они и стоят.

- Чего ты выдумываешь?! – рассердился Олег. – Как такое может быть?

- И ничего я не выдумываю! - обиделся Мишка, - у этого, как его, ну дом такой на улице этого... - от волнения он никак не мог вспомнить название улицы – ну, который город строил! Нам на уроке рассказывали.

- Росси? – уточнил много читающий Севка.

- Во! Точно! Дом там есть... забыл, как называется... Короче, я там мимо шел, а, как увидел... тех, которые у стенки, сам чуть не помер! Пока смотрел, тетенька с девчонкой санки привезли, на них малой в простынке был, они в дверь постучали, им открыли и говорят: мест нету, везите на кладбище, а тетенька в слезы – не довезем мы, говорит, сил нет. Ну, им дверь чуток пошире открыли, и стали палкой длинной помогать, чтоб малого туда затащить и дверь чтоб закрыть можно было, а еще те, которые из двери, ругались на тетеньку, что из-за их, которого на санках привезли, дверь не закрывается... Честное слово, так и было!

- Помните, в сентябре трое наших ребят погибли? – спросил Севка, - от взрыва...

- Помним, конечно, - ответил Вовка, - Коля, Игорь и... как же его...

- Яша, – подхватил Даня.

- Точно! Яша. А ты это к чему?

- Мы их тогда хоронили, всей школой ходили, помните?... Сейчас покойники у стены стоят... - протянул Сева, ни на кого не глядя, - а прошло то всего несколько месяцев... Что с нами со всеми дальше будет?...

Сева стоял, кутаясь в отцовский ватник и смотрел каким-то невидящим взглядом в даль, словно пытаюсь проникнуть в тайну будущего.

- Как хочется жить...- после долгого молчания произнес Олег, - а не знаешь, выживешь ли...

- Мы переживем всю эту кутерьму, и еще будем есть пироги с капустой, честное слово! – Мишка для пушей убедительности стукнул себя по втянутому от голода животу и подпрыгнул от холода и чрезмерного усердия. Все посмотрели на младшего, и на их измученных лицах появилось некое подобие улыбки.

- Идемте...- сказал опять ставший серьезным Вовка и прибавил, - мы запомним этот подвал...А сейчас мы должны попробовать помочь тому, кому еще может быть, успеем помочь...

Николай Матвеевич.

Они опять двинулись по мостовой, и, пройдя по Лиговке, вышли на Невский. Вот и дом любимого учителя. Среди друзей один только Мишка пока не проникся его предметом - в силу мелкости возраста этого урока у него не было. Удивительное дело, урок он вел не самый вроде бы нужный и важный, все-таки черчение – не математика и не русский, но таких интересных уроков, как у Николая Матвеевича было еще поискать. Ребята чертили и планы дворцов, и самых знаменитых домов мира, и просто необычных зданий, а потом он им столько всего рассказывал про каждое! Не было, пожалуй, ученика, которому не нравилось бы черчение. Хотя в этом году занятия в школе начались только в ноябре, но и за это время Николай Матвеевич не пропустил ни одного урока, а ведь идти ему приходилось в лютый мороз, ой, как далеко, да и немолод он уже был...Все равно приходил! Почему же его не было в последние дни? Никому не хотелось думать о самом страшном, ребята предпочли вообще не говорить на эту тему, пока не придут и сами все не узнают.

В темном подъезде дома, где жил Николай Матвеевич, было холодно. Окна с выбитыми стеклами заколочены фанерой, заложены мешками с песком и всяким тряпьем, лестница, залитая потоками воды из лопнувшего еще в первые холода, водопровода и носимых в квартиры ведер, обледенела и превратилась в каток. Когда все попытки ребят по ней взобраться не возымели успеха, Олег-старший выскочил во двор и вскоре вернулся, держа в руках обрезок железной арматуры. Он начал колотить лед на нижних ступенях, однако силы у него быстро закончились и тогда кусок железа подхватил

Вовка. На втором этаже переходящий «вымпел» в виде железки перекочевал в руки Данчика, потом Севки и даже Мишки, который громко сопя носом, с огромным старанием колотил лед на площадке третьего этажа. Так все по очереди они продолбили хоть и узкую, но вполне пригодную для ходьбы дорожку прямо к квартире Николая Матвеевича. Трудно пришлось только на первом и втором пролетах, дальше дело пошло легче – уже мало кто забирался на третий этаж – выжившие предпочитали занять комнаты пониже, чтобы не тратить понапрасну силы на подъем, потому-то льда на последнем пролете было гораздо меньше. Когда ребята, тяжело дыша, добрались до двери, Мишка, бледный, как полотно, практически свалился на руки друзьям. - Ты чего, мелкий? Плохо? Болит где? Ты не молчи, - ребята принялись тормошить Мишку, пытаюсь понять, что с ним случилось. Но он молчал, полулежа на руках у Севки с Данькой.

- У него, наверное, голодный обморок, - догадался Олег, - у моего младшего такое было.

- И что делать надо?

- Я сейчас схожу за снегом, потрем его немного, а когда в себя придет – лепешку дадим.

- Мы же Николаю Матвеевичу еде принесли, - строго сказал Вовка.

- Ну и что? Все равно надо хотя бы половину одной Мишке выделить, он молодец – и лепешку свою отдал, и пацана погибшего тащил, и лед колот, и вообще с нами пошел, хотя никогда на уроках черчения не был, не дорос еще до них... Короче, я вниз, за снегом.

Пока Олег ходил на улицу, ребята поочередно поддерживали младшего, что бы тот не свалился на ледяной пол.

- Я до войны изюм не любил, из булок выковыривал, представляете?! – неожиданно проговорил Данька, глядя в стену, - эх, сейчас бы этого изюмчика... Я бы, наверное, целый килограмм зараз съел, или даже два... Когда война пройдет, я первым делом пойду в магазин за изюмом, вот мать удивится!

- А я белый хлеб не ел, только французскую булку, во, дурак-то был-протянул Севка, - ну, ничего, когда-нибудь наемся и булками, и хлебом! А Вовка, пожав плечами, сказал:

- А я все люблю, даже лук варенный в супе, хотя его мало кто любит. Но больше всего картошку жаренную уважаю, со шкварками, поджаристую, корочка хрустит, шкварки соленькие, а если еще ломоть хлеба черного, свежего, душистого к ней... Вот закончится война, первым делом попрошу

мамку нажарить и сам хлеб порежу во какими кусищами...- тут он развел ладони в сторону, показывая размер «кусищ» и зажмурился от удовольствия. Вернувшийся в этот момент Олег, с удивлением посмотрев на мечтательное лицо друга, спросил:

- Вы про что тут без меня разговаривали?

- Про еду, - открыв глаза, но не меняя мечтательного выражения, произнес Вовка, остальные согласно закивали головами.

- А чего про нее говорить?

- Ну, кто что любил или не любил до войны...

- Я яблоки не любил есть – долго больно жевать. Кусок откушу и брошу в буфет подальше, чтоб бабушка не ругалась – она всегда пыталась нас витаминами накормить. Как же мне теперь эти яблоки пригодились!

- И как?

- Да так. Мы с младшим теперь эти засохшие огрызки достаем и жуем, как сухофрукты – вкусотища! И еще мама с бабушкой тоже едят. Бабушка, как узнала про наш «склад», даже ругаться не стала...

- Повезло, - протянул Севка, - слушай, а ты что после войны первым делом съешь?

- Уху...- тут же ответил Олег.

- Уху? – недоуменно переглянулись остальные.

- У меня отчим страсть как рыбалку любит, он просто отменный рыбак. Мы с ним иногда на выходные с ночевкой ездили. Костер, сверчки поют, волна тихонько плещет, рыба в реке играет, луна все вокруг делает таинственным. А уха из окуня, да только что пойманного, да на костре сваренного...Нееее. Я ничего еще лучше в своей жизни не едал...

Друзья с интересом посмотрели на Олега. Они и не догадывались, что он такой мастер рассказывать, а уж как им после этой живо описанной истории ухи с дымком захотелось и не передать! Первым «вернулся» на землю сам виновник. Пока снег не растаял в руках, Олег, стряхнув с себя «ушиное» наваждение, начал растирать им Мишкино лицо, и слегка похлопывать друга по щекам. Наконец Мишка сделал судорожный вздох и, открыв мутные глаза, начал понемногу приходить в себя. Постепенно взгляд его стал осмысленным и он уже смог сам стоять на ногах, правда, пока ребята окончательно не отпускали его, боясь, что от слабости он опять начнет падать. Олег достал из кармана завернутые в бумагу лепешки и протянул одну из них Мишке. Тот недоумевающее посмотрел на друга.

- Ешь! А то свалишься, не хватало еще тебя на руках такщить, – нарочито

грубовато сказал Олег, чтобы пресечь все попытки возражения. Мишка, не в силах отвести взгляд от лепешки, решительно зажмурил глаза и отрицательно замотал головой.

- Ешь! Кому сказано! Не спорь со старшими!

- А можно, я половину съем, а половину вы? – открыв один глаз, предложил Мишка.

- Половину на всех? Только понюхать? Давай уже целую лопай! – Олег отвернулся от соблазнительно пахнущего кулька с лепешками.

- А, мне кажется, правда, можно вторую половину на нас четверых разделить, - предложил Данька, - получится на каждого одна восьмая часть, но это ж лучше, чем ноль, - он был хорошим математиком и любил точность.

- Подчиняюсь большинству, - сурово сказал Олег, пытаясь скрыть радость, - есть после долгого и трудного похода хотелось нестерпимо. Лепешка была поделена на не совсем ровные половины - Мишка все же настоял, что бы его часть была поменьше, а другую поделили на четыре части. Причем, Данька, как математик и круглый отличник по черчению делил с филигранной точностью, пытаясь сделать так, чтобы даже крошек у всех было поровну. Когда лепешка мгновенно «исчезла» в недрах молодых организмов, Вовка постучал в дверь – звонки уже давно не работали – но никто не отозвался. Тогда он решительно толкнул входную дверь, которая оказалась открытой и распахнулась сама. Ребята вошли в темный коридор.

- Николай Матвеевич, вы где? – позвал Вовка. Все прислушались, но ответа не было. Они пошли по длинному коридору коммуналки, стуча в двери всех комнат и поочередно их распахивая. В глубине третьей по счету они увидели сидящего за столом человека. Обрадованные ребята бросились к столу, но, подойдя ближе, поняли, что сидящий за столом – мертв... Они потрясено замолчали.

- Это не Николай Матвеевич, - первым заговорил Олег-старший.

- Нет... Это какой-то незнакомый дяденька, - шмыгнув носом Мишка. – Все равно жалко. Он на нашего соседа похож, на дядю Слава скрипача, который после Сашка помер. Может, он хороший был? Вот наш сосед хороший... был...

- Подожди, не до воспоминаний сейчас. Что будем делать? – спросил Данька, глядя на друзей.

Все сосредоточенно молчали.

- Может, его, как того парнишку? В подвал? – предложил Сева.

- Не дотащим мы его, - возразил после паузы Вовка, - мы пацана впятером еле дотащили... А тут взрослый... Не можем мы всем помочь... да и не надо... я так

считаю.

- Оставим, как есть?

- Не знаю... Давайте, наверное, для начала закроем дверь в комнату... чтобы Николай Матвеевич не увидел, что его сосед... Что его больше нет...

- Кому видеть-то? Мы же учителя еще не нашли, - подал голос Мишка.

- Ну и что? Найдем! – твердо сказал Вовка и продолжил, - а потом сообщим, чтоб за покойником приехали. Как Мишкина мама сделала. Адрес назовем.

Мне кажется, это все, что мы можем сделать для человека...

- Бывшего человека... - поправил Даня.

- Нет! Он хоть и мертвый, но все равно человек! Наш, советский человек, умерший от голода и холода, но не сдавшийся врагу...

Все помолчали, сняв шапки, потом Вовка, поглядев поочередно на каждого, уточнил:

– Мой вариант такой, ваши?

- Я согласен, - серьезно ответил Олег, - это выход.

Остальные просто молча кивнули головами. Они тихонько вышли из комнаты, прикрыв за собой дверь, и снова оказались в полутемном коридоре.

- Мы точно все комнаты проверили? – спросил Вовка, после того, как они прошли в глубь квартиры и остановились в конце коридора.

- Все, - ребята переглянулись в недоумении, они не могли ошибиться квартирой, поскольку не раз гостили у любимого учителя. Правда, это было в другой - мирной и счастливой жизни. Но они точно были уверены – это его дом, его квартира. Просто сейчас она мало напоминало жилье, скорее свалку мусора, или поле боя – выбитые стекла, открытые двери, комнаты, давно не ощущавшие тепло человеческой жизни. И где то в ее недрах находился человек, которому они, возможно, еще могут помочь, но где его искать – было непонятно...

- Неа, не все - подал голос Мишка, - я еще одну дверь видел, за кухней. Она как стенка.

- В смысле?

- Ну, картинки на ней, как на стенке...

- Какие картинки? – переспросил Вовка.

- Ну, такие, какие бывают на стенках!

- Он про обои говорит, - догадался Севка.

- Ну, да! Обои, точно! Там вроде, как стенка, только это не стенка, там ручка есть, я точно видел!

- Давайте туда, - Вовка быстрым шагом направился в сторону, в которую

указывал Мишка. Там на самом деле оказалась дверь, и когда ребята в нее постучали, изнутри послышался еле слышный голос любимого учителя.

- Заходите, не заперто...

Открыв дверь, ватага двинулась вглубь комнаты, к узкому дивану, стоящему у закрытого матрасом окна, на котором виднелся силуэт человека, накрытого кучей тряпок.

- Николай Матвеевич!

- Ребята? Вова... Сева... Данила... Олег, - он с удивлением рассматривал стоящих перед ним мальчишек, не веря своим глазам и отчасти считая их голодными галлюцинациями. Оправившись от шока, вызванного неожиданным и необъяснимым появлением, учитель засыпал их вопросами:

- Милые мои... Ребятки, да как же? Вы тут?... Почему?..

В ответ они заговорили все разом, перебивая друг друга:

- Вы в школу не приходили...

- Четыре дня!

- Раньше такого никогда не было.

- Мы решили прийти, узнать...

- Помочь!

- Ребятки, милые... - голос немолодого учителя предательски дрогнул, - простите меня, сил нет... вот и не смог прийти... Но я полежу еще немного и встану, я постараюсь прийти... милые вы мои...

- Вы когда ели последний раз, Николай Матвеевич? – строго спросил Вовка.

- Не помню... ребятки, милые, да вы не беспокойтесь... у меня карточки есть, я, как встану, их отоварю, поем... я...

- Николай Матвеевич. Мы сейчас все сделаем, – сказал Олег-старший и тут же деловито начал раздавать поручения, - Вовка и Севка давайте за водой, Мишка, бери веник, он у двери стоит, Даня растопи буржуйку, я пойду карточки отоварю, я магазин рядом видел. Если меня долго не будет, подходите в очередь меня сменить.

Все тут же развели бурную активность. Мишка взял веник и начал пылить по комнате, пока ребята не принесли воду и слегка не брызнули на пол. В комнате стало хоть и не совсем чисто, но все-таки опрятно. А уж когда загудела маленькая буржуйка, и комната начала наполняться долгожданным теплом, всем стало теплее и на душе. Вскоре вернулся Олег.

- Надо же, сегодня очередь не такая большая была. Вот! Все принес!

- Ребятки, давайте пить чай! Кипятка у нас теперь много, спасибо вам! У меня кое- что есть, можно в кружки налить – сладко будет.

Николай Матвеевич, тяжело поднялся с дивана, пошарил на подоконнике и взял в руки стакан, наполненный чем-то странным, непонятно-серым.

- Это я на рынке выменял на костюм свой выходной, - и, отвечая на немой вопрос в глазах гостей, пояснил, - когда Бадаевские склады горели, там сахара много расплавилось и в землю ушло, теперь эту сладкую «земельку» продают. Представляете, на рынке на нее своя, так сказать, такса имеется – та земелька, что сверху была – не глубже метра – по 100 рублей, остальная – по 50. Мне повезло – верхнюю купить удалось.

Говоря все это, Николай Матвеевич, наливал поочередно серую массу в кружки с кипятком. И на самом деле «чай» получился сладким. Учитель решил разделить на всех ребят ту пайку хлеба, которую принес Олег-старший, отоваривший карточки. Но мальчишки тут же дружно замотали головами.

- Да вы что, Николай Матвеевич, мы ж только что обедали в школе!

- Честное слово, только-только поели и сразу к вам.

- Да! Мы вообще объелись, вот, даже лепешки остались, мы их вам принесли - вот!

- Нет, нет, лепешки не возьму, - замахал руками учитель.

- Возьмите, пожалуйста! Мы вас очень просим!

- Вам надо поесть! Вам силы нужны! У нас ведь завтра с вами уроки. Вас все ждут!

- Ребятки, милые, я не знаю, как вас благодарить, я...- голос учителя дрогнул, и он быстро закончил, - один я есть не буду – давайте ваши лепешки разделим, положим на тарелку к хлебушку, и все будем угощаться! – говоря все это, Николай Матвеевич дрожащими руками выкладывал еду на стол.

После обеда, если можно, конечно, так назвать слегка подслащенный серый кипяток с лепешками из лебеды и хлебом из опилок, все расселись на диван.

Николай Матвеевич достал с полки огромную, красивую книгу и стал рассказывать ребятам о Лувре, о шедеврах, которые хранятся в этом музее сейчас, и о той жизни, что когда-то текла в его стенах, о короле Людовике - Солнце и о том, что прически придворных дам были настоящими архитектурными композициями, доходившими до метровой высоты.

Мальчишки так и покатались со смеху, представив тонкую, хрупкую Иру, перетянутую ремнем от противогазной сумки, с кораблем на голове! Сколько же знал любимый учитель и как интересно рассказывал! Потом он взял в руки карандаш и на обрывке газеты стал рисовать план будущего дворца пионеров, который обязательно построят после войны в их районе. Время в комнате с горячей печкой пролетело незаметно.

Когда ребята засобирались домой, на улице почти стемнело. Они ушли, а Николай Матвеевич, опустившись на диван, размышлял – откуда в них столько доброты? Он читал исследования ученых, что когда человек получает двести грамм хлеба в день, его личность меняется ни лучшим образом, при ста граммах – просто до неузнаваемости... А эти дети получали сто двадцать пять грамм тяжелого, сырого, опилочного «хлеба» и остались людьми... Он сам в детстве пережил страшный голод, прекрасно помнит, что в то время ни о чем кроме еды думать не можешь. Ребята, пришедшие его навестить и принесшие части своих пайков - невыносимо голодные дети, как же они умудрились сохранить в себе человечность?..

Обход.

Те, о ком весь оставшийся вечер размышлял Николай Матвеевич, пройдя по проспекту, повернули в переулок и остановились рядом со школой. Все окна были темными и казались чересчур строгими и какими-то чужими. Почти все они были забиты фанерой, и только в одном, чудом сохранившемся оконном стекле, внезапно появился еле различимый огонек, и тут же пропал.

- Это, наверное, дежурный в обход пошел.

- А кто сегодня?

- Вроде бы библиотекарь наш. Я днем слышал, что она должна.

- Елизавета Федоровна здорово нам рассказывает, интересно, особенно про оружие, - подал голос Мишка, - мы на прошлой неделе сами начали топоры делать, ну, такие, с каким на мамонта древние охотились! У меня здорово получилось!

- И куда это ты на охоту собрался, человек разумный? Или еще только умелый? Где мамонтов рубать будешь? – засмеялся Севка.

- Да ну вас! – обиделся Мишка. – Никуда я не собрался. Хотя фашистов порубал бы! Просто с ней здорово и интересно! А с вами ничего такого не делают, вот вам и завидно! – он надулся и, отвернувшись, стал смотреть на темную молчащую школу.

Как ни устали друзья за день, но весело рассмеявшись, потрепали мелкого по плечу.

- Пора по домам, - подвел черту Вовка, - завтра в школу.

- Надо еще завтра про того... который в квартире Николая Матвеевича сказать, - напомнил ребятам Олег-старший.

- Я с утра пойду в милицию, рядом с нашим домом есть отделение, - пообещал Вовка.

Постояв еще немного, все разошлись по домам.

А в школе в это время шел обход. Елизавета Федоровна, или как ее ласково называли ребята «Лизочка», шла по темным сводчатым коридорам, держа в руках фонарь «летучая мышь», и при слабом свете фитилька напряженно вглядывалась в звенящую темноту этажей. На первом и втором стояла тишина – все ученики и учителя давно разошлись по домам. На третьем этаже тоже было тихо, хотя там уже несколько месяцев жили эвакуированные, но даже детских голосов не было слышно – военные дети не привыкли шуметь ... Проходя по низу дежурная поежилась – как не привыкла она за эти блокадные месяцы к мертвым, но осознание того, что они совсем рядом, под лестницей, сжимало сердце ледяным холодом.

Библиотекарь, закончив обход, вернулась в канцелярию и при свете тускло мерцающей коптилки села за письмо. Своей Натусе она старалась писать если не каждый день, то хотя бы одно-два письма в неделю обязательно отправляла. Вначале она еще переживала, что уговорила дочь в эвакуацию уехать одну, думалось ей бессонными ночами – может, лучше было бы здесь всем вместе, а потом поняла – это счастье, что дочь не знает того ужаса, в котором живут они с Иваном. И всей правды она никогда Натуське писать не станет, а что и напишет, так со смехом, чтобы та не переживала сильно за родителей, ей самой сил много надо, чтобы выжить – везде ведь тяжело, что здесь, что там...

На листок в косую линейку ложились ровные аккуратные строчки – у Лизы со школы был хороший почерк, который не смогли «испортить» ни голод, ни темнота в комнате. «Я так похудела, что ты не узнала бы меня, но я рада, что похудела, а то толстой тяжело было ходить». Она отложила ручку и задумалась: переживут ли они эту страшную зиму? Хорошо, что давно переехали жить в школьную пристройку, не надо тратить силы на дорогу домой. Пайки сейчас такие маленькие, что Иван того и гляди совсем сляжет, и так у него сил хватает только до класса дойти и вернуться в комнатенку с дверью, завешанной одеялами для тепла. Школу не отапливают, дров нет, холод ужасный, только печурка в учительской горит, чтоб хоть чуть-чуть согреться... Елизавета потрянула головой, отгоняя грустные мысли и решила продолжить письмо, но тут завывла сирена воздушной тревоги. Бомбили долго, но до школы в этот раз не долетели ни осколки, ни «зажигалки». Только все равно было страшно от зловещего гула самолетов и грохота дальних взрывов. Когда налет закончился, «Лизочка», обойдя все здание, вернулась в канцелярию, где уже всюду звенел телефона. После бомбежек всегда звонили из штаба противовоздушной обороны, спрашивали: «Все ли в порядке? Не

нужна помощь?». Ответив, что все нормально, потерь и разрушений нет, «Лизочка» опять села за письмо. Как-то незаметно еще одна блокадная ночь канула в вечность. Сколько их еще будет, холодных, настороженных, уютных военных ночей, она не знала, да и никто не мог знать...

Забрезжил рассвет. Елизавета, чуть-чуть отодвинув одеяло, закрывавшее единственное уцелевшее стекло, посмотрела в окно. Блокадные зори были какими-то особенно выстуженными, ледяной отблеск розовил серые стены домов, делая их неестественно холодными и нежилыми. Неужели когда-нибудь ее любимый город снова станет красивым, уютным, наполненным детским смехом и счастливыми парочками, нежно держащимися за руки? Они с Иваном любили гулять по Заячьему острову сначала вдвоем, а потом втроем с Натуськой, были у них еще и сын, но умер совсем маленьким. Даже не верится, что когда-то это было и еще больше не верилось в то, что все это осталось в прошлой жизни и может уже никогда не повториться. Лизе захотелось заплакать, но она тут же отогнала от себя это предательское желание и начала мечтать, вот вернется дочь, может быть, даже уже весной, и все пойдет по-старому, по-хорошему... Только бы дожить до этого времени... Только бы выжить...

Она решила хоть немного вздремнуть перед работой, и прилегла на небольшой диванчик, чудом уцелевший от участи стать дровами, но заснуть так и не смогла – было нестерпимо холодно – Гаврила Иваныч начнет топить «учительскую» печку только утром, когда все придут в школу. Елизавета встала и вышла в коридор «побегать»... Это только так называлось у дежурных – «бег», на самом деле такое определение никак не подходило движениям голодного человека, исхудавшего за эти несколько месяцев почти в половину, и которому приходилось беречь силы. Тут уж, как говорится, приходилось выбирать – замерзнуть, или упасть... Но подвигаться взад-вперед по коридору она себя все-таки заставила.

Дежурство.

Начали потихоньку приходить учителя, школа привычно оживила, и библиотекарь вернулась к себе на рабочее место – она обещала сегодня младшим ребятам почитать про летчиков.

После уроков друзья опять собрались у двери учительской.

- Я сходил в милицию, все сказал, обещали прийти по адресу, забрать человека из квартиры Николая Матвейча, - с ходу сообщил Вовка.

- Молодец! – оценили сдержанное слово друзья.

- Я тут вот что надумал, - начал Олег-старший, - надо установить дежурство у печки, ночное. Мы должны поймать того, кто у своих ворует. Противно думать, что в школе завелась «крыса», крадущая у таких же, как он сам, не по-человечески так поступать...

- Мысль хорошая, - поддержал Вовка, - только кто нам разрешит в школе ночью оставаться?

- А давайте честно расскажем «Папанину» зачем нам надо здесь ночью быть, неужели он не поймет? – предложил Севка.

- Точно! – подытожили, не сговариваясь, Данька и Олег.

- Тогда айда к нему! – скомандовал Вовка и все дружно двинулись на поиски Ивана Александровича. Но тут друзей остановил Мишка.

- Подождите-ка. А мы к кому собрались то?

- Ну, ты даешь, Михайло... Не Ломоносов ты наш... К директору, конечно, идем, к кому же еще?

- Да? А почему вы нашего директора «Папаниным» называете? У него ж другая фамилия?!

- Эх ты, темнота, - засмеялся рыжий Данька, - не слышал разве про подвиг «челюскницев»?

- Знаю я про то, как летчики на льдине высадились, не хуже некоторых знаю, - обиделся Мишка.

- А если знаешь, чего спрашиваешь?

- Я про фамилию спросил, она не такая у нашего. А про подвиги я читаю! Я всю библиотеку школьную про подвиги прочитал! И все газеты у мамки, где про героев писали, прочел, ну, до войны, конечно. Сейчас то у нас газет не осталось... Да и книг мало... Толстой лучше Чехова горит...

- Знаток, - не унимался Данька, - Папанина Иваном Александровичем звали, как и нашего! Читал он...

- Читал! Просто не подумал, что вы его в честь того называете! - запальчиво возразил Мишка.

- Хватит спорить! Замяли! Чего зря силы на глупые разговоры тратить?! – прекратил начинавшуюся ссору Олег-старший, - пошли уже.

Внимательно выслушав ребят, Иван Александрович разрешил «ночевки», с условием, что оставаться будут по одному и самое главное, в случае необходимости помогут дежурному учителю. Все, естественно, согласились. Первым решил провести ночь в школе Олег. Но, как, ни странно, никто не пришел за едой из «печки» ни вечером, ни ночью. Целыми остались пайки и на следующую ночь...

Прошла неделя ежевечерне-ночных «дежурств» друзей, а никто к печке не подходил... Ребята решили, что дальше искать «крысу» смысла нет, и перестали «караулить». К тому же, налеты участились, все ученики постарше старались на крышу школы попасть – «зажигалок» тушить много приходилось, а какие силы у измученных голодом пацанов? Вот и приходили целой ватагой, чтобы друг другу помочь можно было. Огнетушитель тяжеленный, из рук так и рвется, вдвоем и то еле-еле его удержишь.

Праздник.

Совсем незаметно, среди военного времени, налетов, голода и смертей подошел Новый год. В школе решили устроить настоящий праздник с настоящей елкой, украшенной «довоенными», тесненными из картона игрушками, «снежной» ватой, «цепочками» из бумаги, правда, без свечек и золотых пряников на ветках, но и такой елки было достаточно для ребячьей радости. А еще всем, кто придет, обещали праздничное угощение. Как же все ждали эту «елку»! Последнюю неделю перед праздником только и разговоров было - что дадут на обед. Самые смелые мечтали, что будет масло на бутерброд из белого хлеба, и, может быть, но об этом говорили с придыханием, зажмуривая глаза, как о несбыточной мечте, кусочек мяса с гречкой или макаронами. Фантазии других ограничивалась большим куском настоящей французской булки и тарелкой пшенной каши, сваренной на молоке. Еще всем хотелось, чтобы дали конфет, пусть хоть обычных подушечек или леденцов, или просто много сахарных кусочков.

В день праздника Мишка решил зайти за своим одноклассником - Ленчиком. Это был самый тихий и спокойный мальчик в классе. Он никогда ни с кем не ссорился, не дрался, не кричал, но почему-то никого не тянуло его обидеть или посмеяться над ним. Может, потому, что он умел интересно пересказывать те книги, которые он «проглатывал» в огромных количествах?.. Когда он говорил, его огромные серые глаза, казалось, светились радостью от того, что он может с кем-то поделиться тем, что так хорошо знал. Ленчик всегда был худым, а за блокадные месяцы просто катастрофически «сдал». И вот уже неделю он не ходил на уроки – так распух от голода, что руки не могли держать ручку, да и сил выходить на улицу у него почти не осталось. Мишка с ним не то, чтобы дружил, но всегда уважал и любил слушать, как он рассказывает, может, поэтому и решил, что должен во что бы то ни стало привести одноклассника в школу – пусть у него будет праздник и вкусный обед. Даже если придется его нести на спине, он все равно Ленчика на «елку»

доставит! А если Мишка что-то решил, то обязательно сделает, даром, что всего лишь в четвертом классе учится, и его в компании мелким называют. Правда, отдать Ленчику свой собственный паек он был не в силах, но зато в силах был привести одноклассника на обед.

Нина.

Он вышел из подъезда и медленно побрел в сторону Ленчикова дома. Мишка шел и думал о том, что голод, наверное, самое страшное испытание для человека. Когда ты ни о чем не можешь думать, кроме хлеба, когда ты видишь его во сне, когда он тебе мерещится в каждом валяющемся на мостовой камне, когда ты чувствуешь его запах даже через гарь разбомбленных и обгоревших домов. Он снится тебе по ночам, ты пишешь о нем в своем личном дневнике, ты разговариваешь с буханкой хлеба, умоляя ее вдруг появиться на столе... Когда норма стала совсем маленькой, а голод совсем нестерпимым, Мишкина мама разделила паек на маленькие порции и стала давать им с братишками каждый час по крохотному кусочку. Самый младший - Ванька катался по полу, плакал, просил «хлебушка», кричал: «Дай топор, я сундук разрублю, ты в нем еду прячешь!», но мама только бледнела, и, крепко обнимая младшего за плечи, прижимала к себе, или, посадив на колени, качала, как младенчика. Средний – Сашко не плакал, он просто тихо и быстро угасал, бледнел, худел, а однажды заснул и не проснулся... Мишке было очень стыдно, что в тот день он один, не поделившись с младшим, съел Сашкин кусок пайка, к которому тот так и не притронулся, а потом хлеб стал ему совсем не нужен. Замирая от стыда и непреодолимого чувства голода, Мишка, пока младший спал, а средний был в забытьи, осторожно забрал из уже холодевших рук Сашки кусенечек, заботливо вложенный матерью и тут же проглотил. Так стыдно ему никогда еще не было, но бороться с собой он тоже уже не мог... Мишка решил, что когда-нибудь он расскажет об этом дурном поступке маме и друзьям, но пока не смог этого сделать – слишком стыдно было.

Когда брата «похоронили» в подвале дома с витражами, мама продолжала нарезать оставшимся сыновьям хлеб почти прозрачными кусенечками и давать их через час. А неделю назад, когда мама ушла вниз за дровами, брат перевел стрелки на полчаса вперед. Мишка это видел, но ничего не сказал матери - и ее было жалко, и смотреть на муки младшего было нестерпимо. Мама вошла в комнату, Ванька бросился к ней с криком: «Мамочка, час прошел». Мама посмотрела на часы, все поняла, села на пол и заплакала, хотя не плакала с

того самого дня, каогда черный репродуктор произнес страшное слово: «Война».

А сейчас у мамы совсем мало сил осталось, она сидит вместе с Ванькой в холодной комнате и даже не может больше добывать дрова. Теперь это Мишкина обязанность. Ходит он по дворам, собирает ветки, палки, обломки мебели, короче, все, что на растопку годится и несет домой. В квартире они уже почти все книги и все свою мебель сожгли...

Мишка шел и сжимал кулаки, ему казалось, что если сейчас из-за угла выскочит немец, то он, советский школьник, его убьет. Он задушит его своими худыми руками с синими жилками вен, или схватит первый попавшийся кусок железа и с наслаждением опустит на голову мерзко улыбающемуся фашисту - когда он думал о врагах, то почему-то всегда представлял их лица перекошенными ухмылкой. Такая ненависть его переполняла, что перехватывало дыхание...

В конце улицы, недалеко от Мальцевского рынка показалось какое-то странно существо. Мишка даже сначала не понял – мужчина это или женщина, или ребенок. За ним гнались разъяренные люди, было видно, что бежит существо из последних сил. Постепенно его бег становился все медленнее и медленнее, наконец, оно повалилось на мостовую, и на него тут же обрушился град ударов преследователей. Мишка кинулся вперед, он понимал, что сейчас случится страшное – люди растерзают человека, не фашиста, которого он сам только что, хотел убить, а такого же, как они, советского человека. Он не знал, что за преступление совершило несчастное существо, но точно понимал, что оно не заслужило такой участи. Мишка еще не сообразил, что он сможет сделать один против разъяренной толпы, но он точно знал, что молчать не будет. Он побежал изо всех сил, на которые были способны подгибающиеся от голода ноги, но когда он оказался около толпы, все уже было кончено...

На мостовой лежал мертвый человек, замотанный в какие-то лохмотья, отчего не сразу можно было понять – какого он рода. Вглядевшись в залитое кровью лицо, Мишка с ужасом узнал в погибшей свою соседку Нину. В руках у нее был зажат кусок серого сырого хлеба.

- Убили! - раздался визгливый женский голос из толпы.

- А ты не воруй! Мы что ли не голодные! – тут же закричали со всех сторон.

- Поделом, сам виноват!

- Чисто собака – его бьют, а он ест.

- Это не он, эт она, гляньте.

- А, хоть, и она! Если баба, что – воровать можно? Никому нельзя!

- Со всеми, кто на чужое зарится, так будет!

Все еще немного потоптались вокруг убитой, громко обсуждая происшедшее. Из обрывков разговоров Мишка понял, что тетя Нина ходила по рынку и выхватывала еду прямо из рук торговцев. За ней погнались, стали бить, но она даже не защищалась. Ее били, а она судорожно запихивала в рот еду, словно не чувствуя ударов. Потом в порыве безумного отчаяния, она вырвалась из круга преследователей и бросилась бежать, но упала, остальное Мишка видел, пока пытался добежать до толпы... Все разошлись, а Нина так и осталась лежать, прижимая к мертвой груди кусок хлеба. Мишка вспомнил, как две недели назад у эвакуированной соседки умирала маленькая дочка Ленуся. Все, что можно было продать или обменять на еду, было продано и обменено... У девочки не было сил двигаться, она просто тихонько лежала на диванчике, смотря на холодные стены. Нина каждый день ходила отоваривать карточки, честно доносила пайки до дома, но от голода мутилось в голове и у самого подъезда она судорожно «проглатывала» оба крошечных кусочка серого «опилочного» хлеба. Поднявшись на свой второй этаж, она начинала истошно кричать: «Украли! Карточки украли!». Войдя в комнату, где лежала Ленуся, она садилась к ней на кровать, прижимала дочку к груди и, раскачиваясь из стороны в сторону, как заведенная повторяла одно и то же: «Украли, доченька! Укралиии! Нету хлебушка, нету!», а потом начинала громко рыдать от отчаяния. Мишка несколько раз сам видел, как Нина, подходя к дому, стеклянными, «невидящими» глазами смотрела на куски хлеба в руках, ее начинала бить нервная дрожь, она не в силах была справиться с желанием утолить голод, и через минуту от пайков не осталось ни крошки. Казалось, что женщина проглатывала пайки, даже не разжевывая. Потом ее взгляд стал совсем безумным, и она зашла в подъезд на негнущихся, «ватных» ногах и медленно стала подниматься по лестнице, держась за перила. Через несколько минут из квартиры раздался крик: «Укралииии!» Так продолжалось целую неделю. Мишка честно рассказал, что видел матери и та, жалея эвакуированных, сначала попыталась отделять жалкие крохи от своего пайка, но поняв, что это бесполезно – все равно не поможет, перестала. Ленуся тихонько умерла во сне, а Нина куда-то пропала. Пару дней назад Мишке показалось, что она промелькнула где-то в переулке, но больше он ее не видел, в квартире она не появлялась. И вот сейчас она лежит на мостовой мертвая... Мишка стоял на улице, не чувствуя холода, пока не пришли милиционеры и не увезли тетю Нину на детских саночках, только тогда он, словно очнувшись, медленно двинулся по тротуару. Мишка шел по улице, и

ему казалось, что если сейчас он не приведет Ленчика на праздник, завтра тот умрет и будет лежать на мостовой, как тетя Нина. В школу одноклассника он почти тащил под мышки, поминутно удерживая, чтобы не упал.

Елка.

Здесь уже все было готово к празднику – на втором этаже стояла елка! Так странно было видеть наряженную елку среди забитых фанерой окон, выломанного на топку паркета и закутанных во всевозможное теплое тряпье бледных и изможденных детей. И пусть она была и маленькая, и не пушистая – не до «выборов» лесной красавицы было, хорошо хоть такую найти удалось, но она БЫЛА! Открылась дверь и в актовом зале появился... настоящий Дед Мороз.

- Ну-ка, ребятки, дружно встанем в хоровод, вместе встретим Новый год! – пробасил морозный сказочник.

Тут даже самые слабые ребята, еле-еле державшиеся на ногах и стоявшие, прислонившись к стенкам, шатаясь, пошли ему навстречу и взялись за руки. И пусть их дорогой и любимый Иван Александрович мало походил на зимнего сказочника, а борода из ваты и бинтов совсем не напоминала белоснежную бороду Деда с картинки, все были счастливы, и на почти прозрачных лицах появилось подобие улыбки. А потом был праздничный обед, и каждый, пришедший на елку, получил пусть маленькую, но настоящую, мясную котлету с тарелкой настоящих белых макарон, а после обеда каждому Дед Мороз вручил новогодний подарок - пять печенек, несколько конфет и восемнадцать изюмин! Это было роскошно! Как же радовался Ленчик - он заплакал от радости, хотя такого за ним никогда не водилось! Даже когда он падал, и на нем красовались синяки и ссадины всевозможных расцветок и размеров, он не плакал, а тут, в его глазах стояли слезы, и, как он не крепился, они все-таки хлынули на старенькое пальтишко. А как был счастлив Мишка, что смог привести его на праздник!

Когда первая волна радости немного схлынула, вперед вышел Витя – невысокий парнишка, которому недавно исполнилось десять лет. Тот самый, маленький художник, который теплым сентябрьским днем старался до мельчайших подробностей запомнить поле с торчащими из земли кочерыжками кормовой капусты и людей, бредущих по пыльной дороге с наволочками, полными хряпы,. Держа в вытянутых руках кипу маленьких квадратиков бумаги, Витька начал обходить ребят, протягивая каждому нарисованную к новому году открытку! Он застенчиво улыбался и желал всем

того, о чем мечтали не только здесь, в школе, но и во всей нашей необъятной стране: «Пусть скорее закончится война!» Витя здорово рисовал, открытки у него получились радостные, по-настоящему праздничные, хоть у него и маловато было красок, а «достать» их в блокадном городе было негде, вернее, выменять то их можно было, но только на еду. Все всё меняли только на еду - так прямо и писали на картонках перед простынками, на которых раскладывали товары: «Меняю только на продовольствие», но кто же решится отдать лепешку из жмыха за баночку краски?! Мама Витьки на это никак согласиться не могла, она считала - главное, выжить, а искусство можно оставить на потом. Вот и приходилось ему экономить краски, а потом он и вовсе стал только карандашом рисовать. Витька был настоящим художником, понятно, пока еще маленьким, но его «картины» уже «дышали», жили своей жизнью. Он иногда их приносил в школу показать. Ребятам очень понравился его рисунок с лошадей, везущей дровни, а на них - из-под листа железа ступни погибшего человека выглядывают. У стены дома, в котором все безошибочно узнали Витькин, стоит высокий худой человек с зажатым в кулаке куском хлеба. Нарисовал он все это простым карандашом, но ребятам показалось, что лист железа покрыт рыжей ржавчиной, на спине и блокадной клячи коричневые подпалины, а ноги погибшего сине-желтые. Когда «Лизочка» увидела рисунок, она заплакала - грустная это была картина, «срисованная» с жизни, первый раз тогда Витька мертвый оскал блокады увидел...

Зато на праздничных открытках он нарисовал то, что больше всего хотелось увидеть детям: не черные и обгорелые, а зеленые и пушистые елочки, украшенные огромными яркими шарами и разноцветными флажками, белый, чистый, а не закопченный снежок, веселые, нарядные, а не замотанные в тряпье, измученные дети. Витька не пожалел оставшихся красок, почти все потратил, но зато подарил ребятам праздник на маленьком клочке бумаги. Елизавета Федоровна, тоже получившая открытку, почему-то опять заплакала...

Проводив Ленчика до самой квартиры, домой к себе Мишка летел, как на крыльях. Он, забыв про холод и голод, насвистывая веселую песенку, изо всех сил спешил к своим поделиться новогодней радостью - у него же в противогазной сумке лежало целое богатство – печенье, конфеты и изюм! Правда, одну печенюшку и пять изюмин он, аккуратно завернув в серую оберточную бумагу, положил-таки в учительскую печку, а потом и вся ватага так же сделала. Придешь голодный, а тут тебя еда дожидается, съешь, вспомнишь про елку и вкусный обед – вот и будет у тебя праздник

продолжаться...Пусть и не каждый день...

Сюрприз.

Вечером его ждал еще один приятный сюрприз. Они сидели в своей комнатке, тесно прижавшись друг к другу, у печки, в которой медленно тлели остатки большого ящика от комода. Чтобы беречь тепло, они завесили одеялами окно и дверь – Мишка увидел это у одноклассника Ленчика, а потом сделал тоже самое в своей комнате, чем очень обрадовал маму – на самом деле, в квартире стало теплее. Теперь они частенько все вместе сидели вечерами на диване и читали вслух. Так было легче дотерпеть до ужина, если, конечно, студень из холодца или суп из дырунды можно было назвать едой. Книги «таяли» на глазах – безжалостное пламя буржуйки пожирало их одну за другой, поэтому взяла мама за правило читать каждый день, пока еще какие-то книги в доме есть – пусть хоть что-то в головах мальчишек останется, да и голод не так донимает, когда увлечешься романом или повестью. Сказки для этого дела тоже подходили, но Мишка их не жаловал – видано ли дело в десять с половиной лет сказочками увлекаться?!

Этим праздничным вечером сидели они, как обычно, на диванчике, слушая мамин голос. В это время кто-то забарабанил во входную дверь. Сначала они не поняли, что стучат к ним, да и вообще подумали, что где-то грохочет далекая канонада. Стук продолжался, но мама, никого не ждавшая в гости, да и кому придет в голову охота, ходить в блокаду по гостям, продолжала тихонько читать детям «Чука и Гека». Мишка любил эту книжку, Ванька не очень пока понимал, про что там написано, но им обоим нравился мамин голос и то, как она читает. Старший сидел, прислонившись к стене и обхватив руками согнутые ноги, а младший слушал, положив голову на мамины колени. Мишка, закрыв глаза, представлял, как мама близнецов выскочила на улицу с ружьем и стала палить в воздух, а Чук выбежал за ней, потому что испугался, что волки, которые съели брата, напали на его маму. И вся эта катавасия происходила потому, что все искали Гека, а он в это время мирно спал в большом хозяйском сундуке. Мишка так увлекся «картинкой», живо нарисованной Гайдаром, что не сразу «вернулся» в обычную жизнь. Мама замолчала, решив передохнуть – она теперь уставала даже от чтения, Ванька задремал, лежа на ее коленях, в комнате стояла тишина, грохот за дверью прекратился.

- Точно, значит, не к нам, - тихонько сказала мама.

- Наверное, правда, обстрел был, только далеко...Интересно – где...-

подхватил Мишка.

- Не важно, где, важно, что там могли погибнуть люди...- вздохнула мама. Все помолчали. Каждый подумал, что стреляли, возможно, там, где сейчас отец, и неизвестно, чем этот обстрел для него кончился...

В это время забарабанили с новой силой и стало ясно, что все-таки стучат в дверь, а не далекая канонада грохочет.

- Неее! Не обстрел. Это к соседям стучат! Точно! - сказал Мишка.

- Не к кому уже стучать...- с грустью вздохнула мама, - странная штука жизнь...кто-то еще надеется увидеть своих и не знает, что видеть некого...Из всех квартир мы одни остались... Если к Петровым, на день только и опоздали...

Она приготовилась углубиться в книгу, но в это время стук стал походить на грохот камнепада, казалось, еще немного и старая, тяжелая деревянная дверь сорвется с петель и упадет прямо на выщербленный мозаичный пол.

- Наверное, к Петровым. Они да Васильевы еще оставались, остальные давно умерли. Но Томочку Васильеву с Надюшей месяц назад вывезли, Петя их воюет, значит, не к ним, - вслух рассуждала мама, - значит, к Петровым. Надо, наверное, выйти, сказать, чтобы зря не стучали, умерла Галина Ивановна...

Вчера утром. Сегодня днем ведь только увезли, на чуть-чуть опоздали, - мама, осторожно переложив на диван задремавшего Ваньку, с трудом поднялась и медленно побрела по коридору. Мишка шел рядом, поддерживая мать под руку. Открыв входную дверь, они так и застыли. На пороге стоял отец, у его ног лежал темный бесформенный мешок.

- Живы! – отец крепко обнял мать, и потрепал старшего по макушке, - Я уже не знал, что и подумать – вы не открываете, соседи молчат...

- Мы думали не к нам, - счастливо улыбалась мать, прижавшись щекой к серой фуфайке мужа, от которой так и веяло холодом.

- Только что из-за Ладоги вернулся, заказ заводской сдал, вот отпустили вас навестить. Возьми, Михаил, картошку. Мороженая она, правда. Но что смог...

- Картошка?! – всплеснула руками мама, - картошка, - повторяла и повторяла она, пока ставила на огонь кастрюлю, мыла и клала в нее картофелины.

- Когда сварится? – проснувшийся Ванька от нетерпения слегка подпрыгивал на месте, то и дело заглядывая в дымящееся варево, пахнущее таким забытым и таким вкусным запахом настоящей еды. Через полчаса вся семья собралась возле кухонного стола, на котором лежало «царское» угощение – вареная картошка, растопленное в кастрюльке замороженное молоко, целый круг которого привез отец в противогазной сумке, печенье, конфеты и изюм со

школьной елки. После этого праздника даже мама как будто набралась сил, чтобы жить...

Ночная встреча.

А в школе в это время продолжалось обычное дежурство. Елизавета Федоровна, сделав ежевечерний обход, вернулась в учительскую и примостилась на старом кожаном, вытертом многими поколениями учителей диванчике, писать письмо. Огонек коптилки еле-еле освещал лист желтоватой бумаги, и писала она больше наугад, чем на самом деле различая строчки: «Не ленись писать, Натуся, хоть коротышку пришли. Сегодня ночью видела тебя во сне, очень соскучилась, мечтаю, что весной встретимся...». Она опустила ручку и живо представила себе, как на перрон выходит похудевшая и повзрослевшая дочь. Даже не верится, что на Московский вокзал, сейчас такой мрачный и пустой, снова будут приходить поезда... Она так погрузилась в свои мечтания, что не сразу услышала рядом какой-то странный звук, не то писк, не то скрежет. Когда звук повторился, она подняла голову и прислушалась. «Интересно, что это может быть? В школе никого нет, я одна», - подумала женщина без тени страха - за эти несколько военных месяцев он притупился, уступив место осторожности и какой-то «звериной» интуиции. Вот и сейчас это самое «шестое» чувство подсказывало ей, что этот кто-то, издающий странный звук, опасности не представляет. Елизавета Федоровна подняла повыше коптилку и начала вглядываться в ночной мрак, пытаясь рассмотреть того, кто производил скрежещущий писк. В это время звук затих, и она решила, что ей просто показалось. Но, как только она поставила лампу рядом с собой, и окружающий мир погрузился во тьму, снова послышался скрежет чего-то твердого по металлу. Ночная «дежурная» встала и начала обходить учительскую, внимательно осматриваясь по сторонам. У печки она остановилась и прислушалась. Звуки явно доносились оттуда. Ночью печка не топилась, дров было мало – экономили. Дежурные согревались под большим тулупом или ходили взад-вперед по коридору, чтобы окончательно не замерзнуть. Подняв лампу, она подошла к печке почти вплотную и тут увидела устремленный на нее взгляд. Возле дырки, прогрызенной в стенке буржуйки, сидела крыса... Худая, с облезлой шерстью, с ярко-черными бусинками глаз и быстро двигающимся носом, она настороженно замерла рядом с добычей – у ее лапок лежала спрятанная кем-то из ребят печенюшка. «Лизочка» настолько растерялась от неожиданной встречи, что даже не стала мешать нежданной «гостьей» уйти и унести с собой «награбленное». Крыса «растворилась» во мраке ночи, а женщина еще долго стояла и думала - не

померещилась ли ей эта встреча. В городе давно уже съели всех собак, кошек, замерших от мороза птиц, и даже крыс...Причем сначала с улиц пропали все бродячие и бездомные животные, а затем начали исчезать и домашние питомцы, случайно выскользнувшие из дома кошки и, отправившееся по своим собачьим делам четвероногие «сторожа». Потом началась охота на птиц и крыс...Откуда же здесь взялось это существо? Но внимательно осмотрев печку, и убедившись, что прогрызенная в железе дыра существует, Елизавета Федоровна поняла – крыса ей не померещилась, животное на самом деле «приходило» на «огонек».

Марьянна.

На следующий день «Лизочка» увидела мальчишек, оставлявших еду в печке, только днем - утром опять был налет, никто не учился, но потом они все равно пришли в школу – вдруг какая помощь кому потребуется, вот тогда-то возле «учительской» печки ребята и слышали о ночной встрече.

- Надо ее выследить и убить! Давайте скажем Иванычу, он разберется, - тут же предложил Данька, - она еду крадет, к тому же крысы – это плохо, ну, там, сразу разносят и вообще...

Он оглядывал лица ребят, ища подтверждения правильности своего предложения. Но все почему-то молчали. Первым заговорил Мишка.

- Мы Мурка хотели усыпить летом, а потом решили, пусть с нами доживает, он же у нас пятнадцать лет живет... Вначале еще была рыба с водой, а потом он все время голодный был, хотя даже студень из столярного клея вместе с нами есть научился...

- И как он сейчас?

- Умер...ночью...на прошлой неделе...

Все опять помолчали.

- А у нас лайка пропала...Один раз я не уследил за ней, она на улицу сбежала...- негромко сказал Севка, - вообще-то она и раньше убегала, я тогда тоже подумал - вернется...

Севка замолчал. Ребята выжидательно смотрели на него. Незаметно шмыгнув носом и слегка отвернувшись от друзей, он закончил:

- Не вернулась...На собак сейчас настоящая охота ...А тут лайка...Она ж большая...

- Ой! Я недавно объявление смешное видел, прямо на столбе фонарном висит – «меняю кошку на три плитки столярного клея», - сказал Мишка.

- Какое же оно смешное? - нахмурился Вовка, - оно страшное... Если люди могут вот так, живое существо на клей поменять... Еду на еду... Жутко... Все помолчали, задумавшись.

- А у нас Барс еще летом, в самом начале войны трагически приземлился с четвертого этажа, - неожиданно поддержала разговор, стоявшая рядом с ребятами «Лизочка». Заметив недоумение на лицах, она уточнила, - это в августе было, мы тогда еще в своей квартире жили, это мы уже позже сюда в пристройку переехали, чтобы силы экономить, да и пользы для школы больше можем принести, когда рядом живем. Вообще, кот наш тогда сильно расшибся, бедный, ходил со страшно распухшей щекой и носом и был похож на больного флюсом, часто-часто чихал и жалобно хрипел. Но могучая природа совершила чудо, и стал наш Барс таким же веселым, как был, только еще более ненасытным. Ой, а какой же он был мухолов отменный да и блоховод образцовый!

Мальчишки улыбнулись, а Севка спросил:

- А где он сейчас?

- Умер, - тихо ответила Елизавета Федоровна, - летом он еще получал рыбки головы, когда удавалось у рыбаков леща купить, да и осенью ему хоть что-то съедобное перепадало, а зимой..., - она махнула рукой и отвернулась, как недавно Севка.

- А давайте не будем «печной» крысе зла причинять, - неожиданно сказал Вовка и все с недоумением воззрились на друга.

- Почему? Она грызун и наши куски ворует, - нерешительно протянул Даня.

- Она переживает столько же горя и лишений, как мы... Конечно, она не может понять, во что превратился наш красивый город, не может знать, как это - терять друзей и родных... А мы многих уже потеряли... Но она - живое существо, значит, должна жить, - горячо закончил Вовка и внимательно посмотрел в глаза каждому. Из всей ватаги не было пока почему-то Олега, все остальные пришли в школу и сейчас стояли в коридоре.

- А что, правильно, - неожиданно поддержал старшего друга Мишка, - пусть живет. Ей, наверное, совсем плохо, если к людям пойти не побоялась...

- Ну, вообще да, наверное, вы правы, пусть, - Даня, хоть и с некоторым сомнением в голосе, но все-таки согласился с Вовкой.

- Надо всем сказать - пусть никто ее не трогает, главное, Иваныча предупредить, - подытожил Севка, - а то начнет на нее охоту.

Все заулыбались, представив, как ворчливый завхоз с кочергой наперевес гоняется по всей школе за крысой.

- Слушайте! Ну, послушайте, чего скажу! – Мишка от нетерпения подпрыгивал на месте, - давайте ее назовем!
Все недоумевающее уставились на Мишку.
- Ну, чего вы какие...непонятливые?! Ну, у всех же животных, ну, вот, как у наших домашних клички есть, ну, были. А она ж теперь тоже вроде наша, ну, не домашняя, школьная, но какая разница?!
- Ну, ты, брат, загнул! – рассмеялся Севка.
- Скажешь тоже, школьная...- подержал друга Даня. А Вовка почему-то не засмеялся. Он немного помолчал, а потом сказал:
- А ведь точно. Она теперь наша, школьная. Какая-никакая, а живая душа, как...как...как домовой! Во! Точно! Они как будто дома хранили. Мне бабушка в деревне про таких рассказывала.
- Никаких домовых не бывает, это все враки, которые выдумывают темные люди, - возразил Севка.
- Моя бабушка очень хороший человек была. И никакая не темная!
- Ладно вам. Еще не хватало из-за какой-то ерунды поссориться, - решил погасить намечавшуюся ссору Данька, - А ты бы как ее назвал? Крысу нашу?– повернулся он к Мишке.
- Тот немного растерялся от сложности неожиданно-негаданно возложенной на него задачи, а потом, на секунду задумавшись, выпалил: «Марьванна!», после чего с довольным выражением на бледной физиономии победно посмотрел на товарищей.
- Как? – не сговариваясь, дружно переспросили все.
- Марьванна! – торжественно провозгласил Мишка.
- А что? – улыбнулся Вовка, - годится. Она вроде как сторож при школе, а для сторожихи имя очень даже подходящее.

Чудеса.

- В это время к ребятам подошел Олег с таким странным выражением лица, что все тут же повернулись и стали внимательно вглядываться в его прямо-таки светившуюся физиономию, стараясь проникнуть в «тайну» такого восторга.
- Ты чего такой? Довольный? – Данька, первым решился задать вертевшийся у всех на языке вопрос.
- Олег, улыбаясь, смотрел на друзей, переводя взгляд с одного почти прозрачного лица на другое, и молчал. Потом он тряхнул головой, словно пытаясь избавиться от радостного оцепенения и, наконец, обрел дар речи.

- Ребят, со мной чудо произошло... Настоящее... Я не знал, что они случаются... А оно вдруг случилось!...
- Объясни толком, не тяни, интересно же, - сердито проворчал Мишка. Остальные молчали, приготовившись слушать. Олег начал рассказывать:
- Мне дядя Витя, ну, Олежкин батя, сказал, что талон на масло даст, это его паек рабочий. Я пошел сегодня утром к нему на завод, он талон вырезал, я его в варешку сунул и обратно двинул, а тут налет... сильный. Озверел немец-то...
- Ой, налет нынче жуть был, мы с мамкой и Ванькой даже в подвал спустились, а мы давно уже туда не ходили, - вставил Мишка. Он еще что-то хотел добавить, но ребята замахали на него руками и, он, нисколько не обидевшись, замолчал, а Олег продолжил.
- Я в подворотню заскочил переждать, а как налет закончился, домой пошел. Вдруг меня, как молния прожгла: талона в варешке не чувствую! Я варешку снял, а талона и, правда, нет! Я вокруг пошарил, посмотрел – нигде не валяется! Как домой теперь идти? По нему ж целых сто грамм масла постного получить можно!
- Ничего себе, - присвистнул Мишка, - это целое богатство! Когда у Сашка день рождения был, он буханку хлеба получил – мамка на два платья и кофту с юбкой выменяла, я еще тогда подумал – мне так никогда не повезет!
- Да погоди, не о тебе речь, - оборвал Мишкины воспоминания Вовка, - и что же ты сделал? – повернулся он к Олегу.
- Стою и думаю - как матери и Олежке после такого в глаза смотреть? Нет, думаю, без талона домой не вернусь, лучше на улице замерзну. Поплелся обратно, на снег смотрю, а сам говорю...- тут Олег понизил голос и, стараясь не смотреть в глаза друзьям, тихо сказал, - вы только не смейтесь, я прямо в голос сказал: «Господи! Если ты есть – я найду!».
- Ребята, не говоря ни слова, во все глаза смотрели на друга.
- Ну? – прервал затянувшуюся паузу Мишка.
- Нашел! Сразу. На снегу лежал. Там под ним место светлее было, чем вокруг... Я его потому и увидел... А я ведь не верил... в чудеса... Не знаю, может, зря я так... Просил помочь... Но талон то нашел...
- Он посмотрел на друзей, все потрясенно молчали. А потом вдруг Севка сказал:
- А нам карточки принесли, которые мамка потеряла. Мы думали все, а через день стук в дверь. Открываем, стоит военный, козыряет и отдает нам наши карточки – на них адрес написан был, вот он и принес...

- Нам тоже повезло, - начал Данька и все тут же повернулись в его сторону, -
Мать приходит с работы и таким бодрым голосом объявляет: «Я карточки
потеряла. На месяц»...

- Ничего себе, - присвистнул Мишка, но получив тычок в спину, умолк.

- Она молчит, и мы молчим. А чего говорить то? И так все ясно – помирать
будем, продавать уже нечего... Утром я стал в шкафу книгу искать, не знаю,
чего меня вдруг на чтение потянуло. Полез я за «Емельяном Пугачевым», это
которого Шишков написал... Вот если бы не за этой книгой полез, ничего бы
хорошего не случилось, а тут я «Пугачева» то достал, смотрю - а у самой
стенки мешочек какой-то лежит. Я думаю, что за мешок? Я на полку ничего
не клал, никаких мешков, я точно помню. Открыл, а там фасоль... Матери
сказал, а она плечами пожимает – не клала туда, говорит, никакой фасоли и
вообще ничего не клала. Думали-думали, надумали, что, может, соседи
оставили, кода эвакуировались, а, может, тоже..., как ты сказал - чудо... Но
месяц тот мы как-то пережили...

Всем давно было пора расходиться по домам, но друзья медлили, словно
боялись, что если они сейчас уйдут, то чудеса в их жизни почему-то
кончатся...

Жизнь продолжается.

Через пару недель Марьванна совсем освоилась и стала приходить
«погреться» у печки даже днем. Ее впрочем, никто не боялся, а кое-кто даже
угощал крохами от своего обеда. Она неторопливо подходила к печке и
останавливалась возле нее, поджимая то одну, то другую лапку, ее подвижный
нос втягивал окружающие запахи, а голова быстро двигалась в разные
стороны. Ребята смотрели, как она съедает угощение и, немного погревшись,
исчезает в сумраке коридора. За все время они так и не смогли понять -
откуда появлялся и куда исчезал этот школьный «питомец». А еще через пару
недель, Марьванна, осмелела настолько, что пришла «в гости» не одна. За ней
шел, пошатываясь на тонких лапках и волоча за собой худой, лысый хвост
крысенок. Все обрадовались ему, как младшему брату! Для ребят это было
что-то сродни чуду – в голодном, насквозь промерзшем блокадном городе
среди бомбежек и смертей еще появлялись на свет живые существа! Мать с
гордостью смотрела на своего детеныша и с опасением - на обступивших их
людей, но те только улыбались. С этого времени они так и стали вместе
приходить «на огонек» - Марьванна и Марьванчик, как его назвал кто-то из
ребят.

После нового года налеты участились и десятиклассники, поговорив с Иваном Александровичем, решили перейти на «заочку». Они, не прекращая днем дежурств на крыше и работы в госпитале, вечерами дома, или в редкие минуты затишья «на работе», проходили материал сами, а в школу приходили только сдавать пройденные темы. Как же им хотелось учиться! Но война диктовала свои законы. В школе продолжали заниматься, хоть и не каждый день другие классы, причем по три разных в одном помещении. Только на уроки литературы пришлось ребятам ходить в пристройку, к Ивану Афанасьевичу. Он совсем сдал, врача нашли у него что-то с легкими, и он теперь не выходил на улицу, но это вовсе не значило, что он не мог или не хотел учить! Его уроки проходили легко и интересно, пролетая как одно мгновение.

- Проходите, проходите, мои юные книголюбы. Располагайтесь. Ну-тес, о чем мы сегодня поговорим, что обсудим? Мне бы очень хотелось понять, как вы продумали образ Иудушки Головлева. Не находите, что он напоминает кого-то из знакомых нам с вами людей?

Ребята переглянулись.

- Вроде бы, нет, - не совсем уверенно протянул Олег. Остальные просто молча кивнули.

- А почему так неуверенно? - улыбнувшись, спросил Иван Афанасьевич, полулежа в старом высоком кресле, единственном перенесенном из старой квартиры, - свою точку зрения надо уметь отстаивать и защищать.

На прощание, уже у двери, Иван Афанасьевич, своим так хорошо знакомым им задушевым, тихим голосом сказал: «Читайте. Читайте, это лучшее, что вам сейчас остается, читайте и думайте побольше. Мне тоже хочется читать, но с той коптилочкой, которая у нас есть, много не прочитаешь». Потом он сунул им в руки по куску белой булки.

- Не французская, конечно, но все-таки.

- Нет! Нет! – в один голос начали отнекиваться ученики, - мы не возьмем! Это – вам!

- Мне врач прописал, я это теперь как лекарство принимаю, но лекарств много вредно принимать, - лукаво улыбнулся учитель и продолжил, - и хлеба нам теперь хватает, даже остается, - после чего решительно вложил хлеб в руки ребят. Те, не в силах отказаться, нерешительно переспросили:

- Остается? Не может быть.

- Может, еще как может. У нас теперь карточки, как у рабочих, да еще Елизавета Федоровна, «огород» на окне развела, витамины выращивает, вот,

видите, - он показал на подоконник, где в горшках пробивалась чахлая зелень укропа и салата, - так что, берите и идите домой... Читать! - тут он снова улыбнулся и добавил, - «Тараса Бульбу» надо осилить, мы с вами обязательно его обсудим.

Ребята, спускаясь по лестнице, оглянулись – в дверном проеме стоял один из самых любимых учителей - бородатый учитель литературы (он теперь, как почти все мужчины, редко брился) и с улыбкой смотрел им вслед.

Смерть.

В город начала возвращаться весна, а с нею надежда на скорое окончание ужаса голода и холода. Даже дома теперь не казались такими серыми, мрачными и стылыми, и около них показалась совсем еще маленькая травка, правда, вырасти ей, особо не давали – тут же выдергивали на обед. В один из таких солнечных апрельских дней от сердечного приступа, прямо на уроке, в комнате с высоким креслом, умер Иван Афанасьевич.

- Он нам отрывок из «Тараса Бульбы» читал, потом как-то странно на нас посмотрел и все... Я думал, что уже привык к смерти, - первым заговорил Вовка, когда друзья, редко в последнее время встречавшиеся вместе, потрясенные этой новостью, собрались во дворе школы, - и уже не буду сильно переживать... Оказалось...

- Будешь, - подхватил Олег-старший, - мы все... будем... И не только мы. Он, до войны еще кружки разные вел, литературные. Его многие любили. Ему Ольга Берггольц, между прочим, книгу своих стихов подарила, с надписью, в благодарность!

- Почему ему? – спросил Вовка.

- Потому что она тоже у него занималась, в кружке...

- Она же поэт настоящий! А обычному учителю книгу свою подарила... с благодарностью? - удивился Даня.

- Он учителем был настоящим... вот она и стала поэтом... настоящим...

- А вы знаете, что Иван Афанасьевич даже директором школы когда-то был? – вступил в разговор Мишка. Все повернулись к нему и недоуменно пожали плечами.

- Ты ничего не путаешь? – с сомнением переспросил Вовка.

- Неа! Я сам слышал! – гордо возразил Мишка, - а еще слышал, - тут он понизил голос, - что он учился там, где, ну, навряде как на попов учат, учили, вот...

- Ну, тут ты точно чего-то напутал! – рассердился Вовка, - думай, что

говоришь!

- Ничего я не путаю! – буркнул Мишка и отвернулся, всем своим видом показывая высшую степень обиженности.

- Это ж надо такое наговорить! – не унимался Вовка, - да на хорошего человека!

- Вот именно, на хорошего. А если он такой замечательный был человек, каким мы его знали, какая разница – где он учился?! – веско возразил Олег-старший.

- Олежка прав, - поставил точку в споре Севка.

- Слушайте, - опять заговорил главный «разносчик» новостей, - а вы Марьванну давно видели?

- Вообще-то, нет, - после небольшого раздумья ответил Олег.

- Вот! Я ж говорю, нету ее и Марьванченка тоже нет...Сгинули...Мне почему-то даже жалко...вроде как друга потерял что ли...

- Ну, да...Как будто не хватает чего-то, - согласился Вовка, остальные молча кивнули. На самом деле, все уже так привыкли к «школьным» питомцам, что без них стало грустно и, главное, было непонятно, куда они могли деться.

- Жалко Марьванну, только Ивана Афанасьевича жальче, - голос Вовки дрогнул.

В это время к ребятам подошел «Папанин»:

- Сева, Софья Освальдовна умерла.

У Севы потемнели глаза и еще больше заострились скулы.

- А она чему учила? – спросил неумно любопытный Мишка.

- Немецкому, - ответил Сева сдавленным голосом. – У меня проблема была с языком, она со мной занималась. Она была...очень хорошая...добрая, но требовательная. Благодаря ей, я быстро все нагнал. Она объясняла четко...

- Она же немка была! – тут же вскинулся Данька, - ее не жалко! Я много плакатов видел: «Убей немца!» Ну, убивать ее, конечно, не надо было, но и жалеть то уж тоже!

- Она была советским человеком, - спокойно перебил его Иван Александрович, - честным и светлым. Ее приютила семья Анечки Рындиной, хоть их и оказалось пятеро в одной комнате, но они смогли поделиться с пожилой учительницей и физическим, и душевным теплом...Неужели вы, молодой человек, считаете, что профессор Рындин не разбирался в людях? Или не видел эти плакаты? Если бы не эта семья, Софье Освальдовне негде было бы жить...Жаль, что теперь мы потеряли двух в высшей степени порядочных людей...Профессора, к сожалению, уже тоже нет...

Все помолчали.

- Запомните, ребята. В любой ситуации надо прежде всего оставаться человеком...

Часть вторая.
ХУДОЖНИК.

Дистрофия.

Витька взял карандаш и, внимательно вглядываясь в фигуру отца, лежащего на диване, стал набрасывать штрих за штрихом. Вдруг сердце сжала какая-то неясная тревога, неприятное чувство слабости, ставшее привычным за эту зиму, перешло в легкое потрясывание, все его существо пронзило нехорошее предчувствие. Витька словно впервые увидел ослепительно-белую кожу, с синими прожилками вен, глубоко запавшие глаза, горящие нездешним светом, резко обострившиеся черты лица. Отец первым из всей семьи начал сильно сдавать, приходил с работы и тут же ложился на диван – экономил силы. Вот

и сейчас он лежал на диване и безучастно смотрел в потолок, а чтобы перебить чувство голода курил. Вся семья давно перебралась жить на кухню – к самому теплomu месту в квартире – печке, да и окна в ней выходили на север, а значит, вряд ли сюда залетит снаряд или осколок, а на случай, если фашистские танки прорвутся на улицы, мать возле дровяного короба поставила три бутылки с горючей смесью. Витька рисовал, стараясь с максимальной четкостью передать самую незначительную деталь одежды, самую крошечную черту родного человека. На белый лист настоящей, довоенной еще бумаги ложились точные и четкие контуры карандашного рисунка. Вот на нем появились сколоченные из досок нары, на которых лежит безучастный ко всему отец, держащий в исхудавших пальцах папиросу и разглядывающий свои руки, обтянутые тонкой, бледной кожей. Витька рисует, а внутри звенит тонкая струна страха потери родного человека. Он смотрит, словно пытаясь навсегда запомнить заострившиеся черты отцовского лица. В квартире тишина – соседей давно нет, в комнате справа месяц назад умирала «последняя» соседка - немолодая учительница Анна Степановна, Витька сбегал за ее мужем, его отпустили с завода попрощаться. Вообще-то это было неприятно, но ради такого дела... Иван Федорович всю ночь сидел у постели жены, о чем они говорили – никто не знал, но утром лица у обоих были такие счастливые... Через два дня Витькин отец увидел Ивана Федоровича мертвым, а еще через неделю умерла Анна Степановна... Молодые соседи из комнаты слева «уехали» по дороге жизни еще зимой. Повезло...

Витька спешит закончить свою работу, скоро вернется мать и поведет отца в больницу. Она уже ходила на Мойку, теперь там, в Доме учителя, расположилась больница, и договорилась, что его туда положат.

Устав от рисования, Витька, растер уставшие пальцы и ободряюще улыбнулся отцу:

- Скоро мама придет.

И, словно, в подтверждении его слов, в замке повернулся ключ. Мама зашла на кухню и выложила на стол все, что удалось отovarить по карточкам. Отец молча смотрел за ее руками, не делая попыток подняться с нары и сесть к столу. Мать, сдерживая слезы, подошла к его постели, присела на краешек и, погладив по холодной, как лед, и такой же прозрачной руке мужа, тихо сказала:

- Пойдем. Там тебе помогут. Идти не очень далеко. Мы тебя будем ждать, правда, Вить?

Витька, сглотнув подступивший комок, кивнул головой. Он стоял и смотрел, как мать с отцом, поддерживая друг друга, медленно спускались по лестнице. Нехорошее предчувствие опять сжало сердце, но Витька постарался отогнать дурные мысли. «Отец вернется, ему помогут, его вылечат, не может быть, чтоб не помогли», - думал он, вновь берясь за рисунок, который назвал «Дистрофия». Пока он почти автоматически дорабатывал рисунок, делая более отчетливыми кухонные стены, нары, стол, печку, и слегка подправлял фигуру отца, вернулась мать. Он не села, а почти упала на старый стул у стола – так ее измотала дорога до Дома учителя, превращенного в больницу, и обратно до дома. Витька, не говоря ни слова, присел на пол и уткнулся в колени матери – так они и просидели до самой ночи...

Трамвай.

А в город возвращалась весна...

- Смотри, смотри, трамвай! Настоящий! Смотри, как блестит – видать только покрасили! Нет, ну, это ж надо – трамвай! По рельсам идет... Как будто никакой войны нет, и бомбежки не боится! – Мишка от возбуждения так размахивал руками, что прохожие невольно оборачивались и, улыбнувшись, шли дальше.

- Чего ты раскричался? При чем тут бомбежка? Когда тревогу объявят, он в депо уйдет. Но вообще, да – здорово! Трамваи пошли! Может, война скоро кончится?! – пытался урезонить друга Вовка, сам незаметно заражаясь его бурной радостью.

Они стояли и зачарованно смотрели, как грохоча на стыках рельсов, сверкая новенькой краской, железный символ мирной жизни поворачивает с Греческого переулка к Мальцевскому рынку. На остановке стояла худенькая, почти прозрачная девушка, в ватнике, темной юбке до колен, перетянутая ремнем от противогаза.

- Ира что ли? – толкнул Вовка друга в бок.

- Не. Не она.

- Да она же, точно, она!

- Не она это! Другая какая-то!

- Сам ты другая, она!

- Да нет же! Слушай, а тебе вообще-то какая разница – Ирка или не Ирка?

Оооо... Влюбился? – окончательно развеселился Мишка и многозначительно подмигнул Вовке, выразительно поглядывая в сторону девушки на остановке.

- Хватит глупости говорить! Ничего я не влюбился. Между прочим, война, ты

забыл, что ли на радостях? – сердито отдернул не в меру развеселившегося друга Вовка.

- А если б не война? Втюрился бы? Ирка красивая... Она всем нравится...

- Ты откуда знаешь?

- Да так... Вижу...

- Ты за собой лучше смотри, глазастый! Пошли, болтун! – Вовка потянул Мишку за рукав и почти потащил его в сторону школы. – Пошли, может, ребят сегодня увидим – Севку с Данькой. Они вроде прийти обещали.

- Да иду я, иду, чего ты меня тащишь?! – возмущился Мишка, а потом хитро добавил, - втюрился ты... видно ж! – и, на всякий случай, отойдя подальше от друга, зашагал в школу.

Витька все это время стоял напротив остановки и так же, как друзья смотрел на выворачивающего из недр улицы грохочущего железного коня со сверкающими стеклами в окнах и на девушку на остановке. Он уже знал, как назовет свой новый рисунок: «Возвращение трамвая». Погревшись еще немного на майском, пока еще скудном солнышке, он поспешил домой – поделиться своими впечатлениями с листом знаменитой довоенной - гознаковской бумаги. Ее было совсем мало, поэтому Витька тратил бумажное «богатство» только на такие – серьезные рисунки. Дома он сразу же сел за работу. Когда пришла мама она долго рассматривала трамвай на рельсах, девушку, подставившую запрокинутую голову теплому ветру, худых, изможденных, но улыбающихся людей на остановке. Чем больше она вглядывалась в рисунок сына, тем больше в ней крепла надежда, что все будет хорошо, такой неподдельной верой и светом от него веяло.

Письмо.

Школа в это время жила своей привычной военной жизнью – «Лизочка» после обхода опять писала Натусе письмо. Представляя встречу с дочерью, она старательно выводила: «Постарайся быть такой же, какой была, милой, культурной, так больно будет, если вернешься грубой, озлобленной. Правда, война нас всех изменила, многому научила, но и многих озлобила, вывернула все скрытое: грубость, некультурность, зависть. Некоторых теперь не узнаешь, так они изменились...» Она попыталась представить себе, какой стала дочка, какого она теперь роста, какой у нее голос... Когда-то они встретятся, не могут не встретиться, и пусть, может, жить они будут в каком-то другом городе, разве мало у нас в стране замечательных городов, главное, что они будут вместе... Лишь бы дождаться встречи. Лиза даже от самой себя

пыталась скрывать – как тяжело ей приходится одной – совсем одной во всем огромном Ленинграде... Старалась не думать о плохом, все дни и вечера, а частенько и ночи проводя в школе. Нет, она не заплачет, хоть и очень хочется, она даже жалеть себя не станет – раскисать нельзя. Помотав головой, словно отгоняя тоску, Лиза снова принялась за письмо: «Этот год многое взял у нас, но и многое дал, научил ничего не бояться, ни труда, ни холода, ни голода, все можно преодолеть, было бы упорство, желание перебороть все, будем же упоры и терпеливы и все у нас будет хорошо». Она зябко повела плечами и, подойдя к окну, отодвинула завесу - крыши соседних домов, уже тронул рассвет – родился новый блокадный день...

Выпускной.

В июне в школе начались выпускные экзамены. Правда, их было мало, но весь десятый класс сдал их успешно, все восемнадцать ребят! Конечно, чего было бы не сдать математику Даньке – победителю городской олимпиады сорок первого года? Но все остальные тоже не подкачали, несмотря на бессонные ночи в госпиталях, учебу между тушением зажигалок и «заочку». После последнего экзамена все вместе пошли в филармонию послушать «Итальянский концерт» Чайковского.

- Как мало музыкантов осталось... Оркестр совсем маленький стал... - всегда сдержанная и строгая Ира вышла из зала с повлажневшими глазами.

- Но слушать-то их все равно здорово было! – Севка для убедительности «рубанул» рукой воздух. Все согласно закивали головами. Музыка, подарившая им несколько сказочных минут и заставившая их на время забыть о войне, голоде и бомбежках еще долго звучала в душах и головах, «помогая» сдавать кровь для раненных и закидывать песком немецкие «подарки».

А через два дня был выпускной бал. Самый настоящий, с торжественным вручением аттестатов, танцами и даже маленькими бутербродами с давно забытым вкусом настоящего хлеба и неизведанным вкусом красной икры.

- Смотри, мне билет дали, пригласительный! Солидно, да? – веселился Севка, помахивая перед Данькой кусочком бумаги, на котором были напечатаны удивительные для военного хаоса слова: «Дорогой друг, приглашаем тебя на выпускной бал, который состоится в школе № 157, по адресу Лафонская улица, д.1 А».

- Чего кричишь? Мне такой же дали! – Данька в ответ помахал перед носом друга светленькой бумажкой, - эх, жаль, костюмчика подходящего нет... Из всего вырос, а новый где сейчас возьмешь да и выменять не на что.

- Такая же ерунда, - подтвердил Севка и беспечно махнул рукой, - ну и ладно,

так сходим. Интересно, девчонки в платьях придут?

- Не. Вряд ли, - протянул Даня.

- Жаль. Красиво было бы...По-мирному, - вздохнул Севка.

- Вот после войны и наденут, - рассудил Даня и добавил, - ладно, пошли, на крышу пора, размечтались мы что-то. До вечера еще дожить надо.

Для кого-то этот бал стал днем прощания с юностью, для кого-то - последним, пред фронтовым днем...Даньку с Севкой на фронт провожала вся ватага. Рядом стоял Витька и вспоминал, как осенью прошлого года, Майя – смешная, белобрысая девчонка из его класса, провожала на фронт отца. Перед глазами стояла врезавшаяся в память картинка – развевающееся на ветру красное знамя, ряды ополченцев с узлами на плечах, сзади всех двое с разобраным пулеметом «Максим». Командир спешно произносит дежурные слова напутствия, и колонна выходит со двора. Рядом семят женщины и дети, тихонько поскуливающие от страха потери родных людей...Почти так же проводили и вчерашних десятиклассников. А в городе вовсю разгоралось лето...

Водопроводчики.

- Папа умер, - каким-то чужим голосом сказала мама, непривычно рано вернувшись из больницы. За окном стоял обычный летний вечер, заходящее солнце золотило дома, делая мир изыскано-красивым, мир, в котором уже не было самого родного человека. Как не крепился Витька, как не старался держаться настоящим мужчиной, слезы предательски полились на заплатанную кофту. Он стоял, глядя в стену, сжимая кулаки, и даже не делая попытки их вытирать. Весь вечер они с матерью смотрели Витькины картинки, особенно долго вглядываясь в рисунок, где он последний раз запечатлел отца, лежавшего на нарах с зажатой в руке папироской.

- Мам, я работать пойду, - негромко сказал Витя, когда все фотографии и рисунки были пересмотрены и сложены в большую синюю папку.

- Тебе учиться надо! – всплеснула руками мать, - я сама попробую еще куда-нибудь устроиться, проживем.

- Нет, мам, я уже все решил. Учебы все равно пока никакой нет, а я теперь единственный мужчина в семье...Ты и так из последних сил выбиваешься. Мать промолчала, теребя упрямый завиток волос, который так любил целовать отец.

На следующее утро Витька прямиком направился к дяде Мише – водопроводчику. Катя, его дочка и Витькина одноклассница, рассказывала,

как отец жаловался, что трудно одному, что один уже не справляется:

- Ить как много накопилось за зиму работы – трубы то все полопались, их чинить надо, а кому чинить?!

Катя горестно, по-взрослому, вздыхала, подражая отцу. У нее выходило это так смешно, что ребята в классе не могли удержаться от улыбок. Вот к дому Кати Витька и отправился в надежде найти работу. Дяди Миши дома не оказалось, но Катя, узнавшая по какому делу пришел одноклассник, тут же вызвалась отвести его к дому, в подвале которого работал отец. Оказалось, что это не так уж и далеко. Они шли с Катькой, греясь на щедром солнышке, обсуждая учебу и то, кто кем станет, когда закончится война. Витька непременно хотел стать большим художником. Он мечтал о светлой просторной мастерской, и грезил о вывеске «Персональная выставка Виктора Сидорова», которая обязательно когда-то появится над крыльцом выставочного зала... Мечты Кати ограничивались педагогическим институтом, очень уж ей хотелось, чтобы рядом было много детишек, у нее то у самой братьев и сестер было немного – всего двое, да и тех уже не стало за первый военный год... За разговорами время пролетело незаметно, вот уже и подвал, в котором работал водопроводчик.

- Папа! Я тебе подмогу привела! – прокричала Катя в глубину черного подвала и оттуда через несколько минут показался дядя Миша. Он обрадовался неожиданному помощнику и пообещал оформить «по-взрослому» - тогда Витька сможет получать «рабочую» карточку!

На следующее утро, натянув на себя отцовские резиновые сапоги и ватник, болтающийся на слишком худом мальчишеском теле, будущий большой художник пошел на работу. Солнце еще не начало припекать, шагалось легко и весело – все-таки это был его первый рабочий день! Если бы еще не было войны, и рядом шагал отец, Витька был бы самым счастливым человеком на свете. Спустившись в подвал, он поразился, сколько там было воды, и какой там «стоял» страшный запах. Да, именно «стоял», от него слезились глаза, перехватывало дыхание, и было трудно пробиваться сквозь эту завесу.

- Дядь Миш, а почему здесь так пахнет?

- Эх, сынок, тебе теперь часто придется этим дышать – трубы то зимой не только водопроводные полопались, канализация тоже потекла... вот теперь в подвалах все и осталось. Здесь еще повезло, что обычная вода на полу... А пахнуть еще мертвяками может – видать зимой тут «хоронили», весной то не сразу всех увезти получилось... Ты на лицо ватник накинь, пока не попривыкнешь. Пойдем протечку искать.

Медленно, почти на ощупь, продвигаясь по подвалу, они простукивали, «прослушивали» трубы, пытаясь найти лопнувшую. Первым увидел трещину Витька.

- Вот что значит глаза-то молодые! Сразу нашел, я бы сам еще долго копался, - добродушно улыбнулся дядя Миша и начала показывать, как затянуть хомут, - смотри, паря, на глазок прикинуть надо размер трубы, чтобы хомут правильный взять. Оно, конечно, можно и ошибиться и с не того начать, однако время идти будет, а у нас еще, ох, много починки – люди воду ждут! Дядя Миша, покопавшись в большой сумке, вытащил хомут нужного размера и ловко «накинув» на треснувшую трубу, начала затягивать болты.

- Тут главное не переусердствовать, лишку затянешь – лопнуть может, но, ежели плохо затянуть – течь будет, и вся работа прахом пойдет.

К концу рабочего дня Витька сам отремонтировал две трубы, правда, «дозатягивать» хомуты пришлось все-таки дяде Мише – у мальчишки не хватало сил. Поднявшись из подвала и вздохнув полной грудью летний воздух, он пошатнулся – с непривычки закружилась голова.

- Ну, паря, с боевым крещением тебя! Завтра будем фановые трубы менять. Ну, давай, двигай домой, матери поклон передавай.

Витька на гудящих от усталости ногах шел по улице, кутаясь в ватник – в подвалах было холодно и сыро, и он никак не мог согреться в лучах заходящего солнца. В начале улицы показались Мишка с Вовкой. Они шли ему навстречу, о чем-то оживленно беседуя, и усиленно размахивая руками. Витьке вдруг стало стыдно за свои большие, не по размеру, отцовские сапоги и пропахший нечистотами ватник, и он быстро свернул в первую попавшуюся подворотню. Друзья прошли мимо, не заметив или не узнав его.

Дома Витька первым делом сел за рисунок – даже от ужина – холодца из столярного клея с хлебом отказался. Новая картина будет называться «Водопроводчики сорок второго». Он старался до мельчайших подробностей запечатлеть подвал, озабоченное лицо дяди Миши, трубу с подтеками ржавчины и себя самого, пытающегося затянуть свой первый в жизни «хомут»... Сколько их еще надо будет затянуть, сколько надо будет поменять фановых труб, а сколько запаять и прочистить – он даже представить себе не мог!

Слова.

«Немного позавидовала творогу, мы его не видели с августа...Хлеба нам хватает, но плохо, что нет овощей – болеем цингой» - выводила новые строчки Елизавета Федоровна, оставшись на очередное дежурство. Дома одной было очень тяжело, вот она и старалась побольше «взять» дежурств – и людям польза и ей не так тоскливо. Правда, про смерть папы она Натуське так и не смогла написать, только про бабушку – самую родную, которая умерла у чужих людей и к которой она так и не смогла прийти, потому что болела... «Живи спокойно, не грусти», - писала «Лизочка», как ее ласково называли между собой ребята, - «всем грустно, всем тяжело. Может, скоро будет конец, скоро увидимся, а, может быть, я приеду к тебе и будем мы там жить». Лиза горестно вздохнула и, закрыв глаза, опустила голову на руки. Сейчас им, конечно, гораздо легче стало, она даже поправилась! Зимой весила сорок шесть, а сейчас пятьдесят пять – прогресс на лицо, хотя все равно осталась «серенькой» - худюшей и с седыми волосами... Как же хочется, чтобы скорей уже наступил этот самый «конец», как невыносимо тяжело жить одной на всем белом свете, когда никого близкого рядом нет...Она вспомнила, как «поваркивала» на Ивана (по его же меткому выражению), потому что очень уставала зимой. Сейчас бы она ни за что так не поступила, если бы муж был жив. Почему мы так редко думаем о том, что придется когда-то жалеть о своих словах и поступках? Погрустив еще несколько минут, Лиза взяла себя в руки – надо жить, надо жить хотя бы ради Натуси – как она одна будет? Это неправильно. Да и ребятам в школе она нужна – про героев почитать, поделки поделать, книги выдать. Она усмехнулась, надо же – война – а читать стали больше, дня не проходило, чтобы целыми классами не приходили к ней в библиотеку. Она-то, на самом деле, всегда знала – в тяжелые и горькие минуты только слово может помочь, тем более такое – великое русское. Нет, конечно, западных авторов тоже читали – Джека Лондона или Жюль Верна, только опять же в русском переводе! Она решительно потрянула головой, отгоняя минутную слабость. Лето пройдет быстро, надо бы еще успеть вырастить хоть какие-нибудь овощи, правда, огородник из нее так себешный, но человек – удивительно существо – ко всему привыкает, вот и она тоже научится правильно в земле «копаться». А там – новый учебный год начнется, дочь вернется, и, наконец-то, закончится война, по крайней мере, ей бы этого очень хотелось!

Дрова.

Лето в том году пролетело на удивление быстро и незаметно – в трудах, заботах, тревогах, бомбежках – обычное военное лето... В конце августа в школу привезли дрова, привезли поздно вечером, но их надо было разгрузить до утра – нельзя оставлять такую ценность на всю ночь. Сколько раз уже у всех бывало – сарай вскроют и все дрова унесут, и ладно бы в темноте, а то и днем умудрялись, а тут разве всю ночь пролежат?... Допустить, чтобы школа осталась без дров – нельзя! Все ребята, пережившие первый военный год, пришли во двор. Дрова оказались тяжеленными стволами огромных деревьев...

- Я таких никогда не видел, - задыхаясь от тяжести, с трудом просипел Мишка, когда они с Олегом, Вовкой и парочкой таких же худых и изможденных ребят тащили один из «дровяных» исполинов, - откуда их только взяли.

- Из леса, вестимо, слышь, рубят, а мы вот несем, - слегка пришепетывая от напряжения, продекламировал некрасовскую переделку Вовка, - давай, поднажмем, мужичок с ноготок, а то такими темпами мы до утра не управимся, - продолжил он, посмеиваясь и пытаясь вытереть потный лоб, не опуская свою ношу.

- Ой, смотрите, гигант какой нашелся! – тут же обиделся Мишка, - я всего то может на два сантиметра тебя меньше, а, может, и на один!

- Вот только споров нам сейчас не хватало, они как раз помогут нам все быстрее сделать, - вступил в разговор Олег-старший.

- А чего я то? – вскинулся Мишка, - он первый начал!

- Замнем! – сурово сказал Олег и деловито добавил, - правее давайте, тут не удобно идти.

Работали всю ночь, прерываясь только, когда дрожащие от напряжения руки совсем переставали держать огромные стволы. Когда весь трамвай был разгружен, ребята повалились на землю кто - где стоял и, прислонившись к спине или плечу ближайшего соседа, забылись тяжелым сном. Что им снилось – трудно было сказать, но судя по блаженным улыбкам, - тепло, разливающееся по всей школе и даже по каждому классу суровой зимой. Лизочка, через несколько дней отправляя очередную весточку в далекий омский край, не преминула поделиться радостью с Натусей: «Нам всем дали дрова – значит, не замерзнем!»

Столовая.

В тот год младший брат Олега-старшего, Олег-мелкий пошел в школу. Только учеба у него быстро закончилась – упал прямо на крыльце школы и поломал ногу. Заживало в то время все плохо – организмы измученные были, куда им еще и с болезнями бороться...Вообщем, «сел» он дома, а тут и зима подоспела – тоже не поспособствовала учебе. Олег-старший, когда дома был, помогал мелкому, «подтягивал» по предметам, только редко у него получалось домой выбраться – ему сказочно повезло устроиться поваренком в столовую при Смольном, вот там он и ночевал, и дневал, лишь изредка забегая к своим. А однажды, когда Олег-младший немного поправился, и ему счастье «привалило». Правда, перед этим у них в квартире взрывом выбило все деревянные рамы, заколоченные фанерой, стекол в окнах уже давно не было. Хорошо, никого в это время дома не оказалось – мать с мелким Олегом стояли в очереди отovarивать карточки. Вот, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло – пока взрослые приводили в порядок окна, чтобы хоть как-то сохранять тепло в квартире, Олег-старший уговорил шеф-повара разрешить привести на работу младшего. И при деле будет, и не замерзнет. Морозы как раз разбушевались не на шутку, и оставаться в квартире с выбитыми напрочь окнами было равносильно смерти. Одним холодным зимним вечером старший брат, неожиданно возникнув поздним вечером на пороге, так же неожиданно скомандовал младшему одеваться. - Давай, собирайся быстрее, натяни на себя, что потеплее, и айда со мной, я уговорил старшего повара тебя к нам на недельку пристроить! Пока выздоравливаешь и пока окна не вставили.

Мелкому два раза повторять не пришлось, он пулей, насколько, конечно, позволял ему ослабленный голодом и болезнью организм, натянул на себя валенки, отцовскую куртку и шапку-ушанку, которая от постоянной носки дома «для тепла» вытерлась и перестала напоминать прежнюю довоенную обновку. Впрочем, в ней все равно было теплее, чем без нее, так что на красоту уже никто не обращал внимания. Спустившись за братом по лестнице, Олег-младший, прихрамывая, двинулся в сторону Смольного. Идти было трудно – темно, скользко, к тому же на тротуаре то и дело попадался битый кирпич, осколки от зенитных снарядов, которые еще не успели сдать в металлолом, брошенные санки и мятые ведра. Фонари, естественно не горели и если бы не белый снег, дорогу вообще невозможно было бы различить. Когда они вошли в столовую, уже наступила ночь, и братья сразу легли спать, расстелив матрас прямо на теплую печку. Какое же это было давно забытое блаженство, когда спишь на теплом матрасе в кофте и брюках, а не в шубе и

шапке! Утром Олег-младший не мог поверить своим глазам – повариха нарезала для завтрака настоящий, БЕЛЫЙ хлеб большими, от души ломтями, а потом, зачерпнув половником пшеничную молочную кашу, шмякнула ее в тарелку с горкой! Самое удивительное было, когда к настоящему, ароматному чаю, вкус которого был давно и напрочь забыт, она поставили на стол тазик! изюма... О таком Олег-младший не мог мечтать даже в самых радужных снах.

- Добавки что ль? – ухмыльнувшись, посмотрела на «новенького» повариха, одновременно накладывая очередную порцию каши в дочиста вылизанную тарелку.

Он, смутившись и опустив глаза, кивнул головой и тут же увидел перед собой дымящуюся еду.

- Ешь, ешь, ишь, худющий какой, ты не стесняйся, наваливайся. Ешь, пока естся, - добродушно шутила повариха.

Вот если бы еще удалось увидеть Жукова или Жданова – Олег-младший был бы на вершине блаженства! Но столовая эта была для младшего командного состава, маршалы туда не заходили, так что увидеть живого Жукова ему не удалось, зато целая неделя была проведена в тепле и сытости, разве может что-то сравниться с таким счастьем?! Он, конечно, тоже не бездельничал – котлы чистил, дровами печки топил, посуду мыть помогал, но это все были такие мелочи, по сравнению с белым хлебом и молочной кашей, что Олег-младший на них просто не обращал внимания, да если бы понадобилось, он бы ночами не спал, котлы надраивая, лишь так вкусно и сытно кормили. И хотя «отпуск» в столовой Смольного, как все хорошее, закончился, и опять начались суровые блокадные будни, неделя блаженства дала ему шанс выжить!

Книги.

«Представляешь, у нас в школе есть свой поэт – Зенькович, ученица шестого класса, которая пишет очень хорошие стихи о школе, об огороде, и о лентях, есть у нас еще и такие», - отложив ручку, Лиза задумалась. Как все-таки война меняет людей... Ведь все ребята неплохие, но в таких казалось бы, одинаковых условиях, кто-то последним делится, кто-то берет на себя больше, чем может сделать, а кто-то норовит отсидеться за спинами друзей... Может быть, они просто мало читали, и у них не было хороших примеров перед глазами? Обмакнув перо в чернильницу, она спокойно продолжила писать, не боясь, что чернила замерзнут, а письмо еще не успеет окончиться,

поскольку дров в этом году было достаточно, а значит и тепла, рожденного ими тоже. На бумагу легли ровные строчки: «За книги ругать не буду, хотя и следует. Но если нет подходящего чтения, то лучше хоть это, и еще лучше возьми Гоголя, Пушкина, прочти Тараса Бульбу, Мертвые души». Лиза неожиданно вспомнила, как много книг уже не досчиталась их домашняя библиотека. Когда они еще жили в двух маленьких комнатах в коммуналке, напротив ткацкой фабрики, одну почти полностью занимали книги. Перед войной Иван готовил выставку «Классицизм в русском искусстве». Сколько же он сил на нее потратил, как она была ему дорога! Всю семью «заразил» этой своей работой, Натуся даже из эвакуации вырезки газетные в письмах присылала, Иван до слез был тронут, что она о его выставке помнила...

Когда переезжали в маленькую комнатку на первом этаже школы, которая располагалась прямо у черной лестницы, в самом торце коридора, сколько книг потеряли, в старом жилье оставить пришлось. Не до них тогда было: тяжело таскать, да и некуда – уж больно мала была комнатка. В прошлую холодную зиму пришлось часть книг в печке сжечь, со слезами на глазах их на растопку бросали, но выхода не было, пришлось смириться и с этим... Зато заметки Ивана сохранила, с ними она бы не согласилась расстаться даже при угрозе смерти от холода, это была «живая» ниточка, связывающая ее с погибшим мужем. Читая и перечитывая коленкоровую тетрадь, она словно разговаривала с ним, как с живым – здесь «жили» его мысли... «Кончится война, будут у нас новые книги...если, конечно, выживем и встретимся...», - подумала Лизочка и поставила точку, а потом приписала: «Только что кончилась тревога, по радио играют Чайковского «Песня без слов» - так хороша музыка, так хороша жизнь, так хочется жить...»

Госпиталь.

- Ты куда собрался такой нарядный? – с удивлением поинтересовался Мишка, оглядывая друга с ног до головы. Непонятно было – откуда у Вовки взялась белая рубашка, вернее, откуда она взялась было понятно – из шкафа, но по какому поводу была надета – было неясно.

- В госпиталь идем, концерт раненым показывать, - с гордостью ответил тот, поправляя воротничок и смахивая невидимую пылинку с плеча.

- Интересно...А ты чего там делать будешь? – не унимался друг.

- Петь, - коротко ответил Вовка, но потом, сжалившись над любопытным Мишкой, пояснил, - песню поем «Эх, туманы мои, растуманы».

Тут он оживился и начал «расписывать» номер.

- Мы дрова положим на сцену, на них тряпки красные, ну, кусочки, а подальше поставим вентилятор, сами сядем в круг и запоем, как будто партизаны на привале.
- А! Так вы же это на празднике в зале актовом показывали. Я помню – эх и здорово было, прям, как всамделишный костер получился, и пели вы так хорошо.
- Ну, вот, сначала мы в школе пели, теперь в госпиталь идем, раненым радость несем, небось, несладко им, - Вовка, углядев в дальнем конце коридора долговязую фигуру одноклассника Юрки, поспешил ему навстречу, кинув Мишке через плечо, - все ухожу, ждут меня уже.
- В это время мимо прошел Олег-старший, куда-то целеустремленно направляясь.
- Тоже в госпиталь? – с подозрением остановил его Мишка.
- Да! А ты откуда знаешь? Тоже идешь?
- Не знаю, нам ничего не говорили.
- Почему же вам все говорить должны? А самим подумать, чем можешь пользу городу принести, бойцам раненым помочь – никак?
- Вы все к нам, как к мелким относитесь, а теперь – самим, самим, - недовольно пробурчал Мишка.
- Ладно, мне некогда, если хочешь – пойдем с нами, может, тоже пригодишься.
- Иду! – обрадовался Мишка и поспешил по коридору за друзьями, - Олежка, а ты тоже петь?
- Нет, - бросил через плечо Олег-старший, не останавливаясь, - я с ними в шахматы играть буду.
- В шахматы? – искренне удивился Мишка, - ты думаешь, им захочется?
- Конечно, шахматы – это здорово, - и, помолчав, прибавил, - и по-мирному. Они уже подходили к госпиталю, а Мишка никак не мог успокоиться.
- А ты разве не забыл, как играть надо?
- Нет, конечно. Я еще когда в столовой работал, Генка-друг нашел однажды шахматы, ну мы и сели в перерыве поиграть. Я, правда, кроме того, как фигуры ходят, ничего не знал, вот он мне «фору» давал, целую ладью. Но я потом его обыгрывать стал, честно! Мы с ним вот что придумали: у нас не просто шахматы были, а страны воюющие!
- Ничего себе, - присвистнул Мишка.
- А Олег, продолжал:
- Когда кто выигрывал – значит, город захватывал.

- Здорово придумали, - с легкой завистью протянул Мишка.

- Ага. Он, как «француз», перешел границу Испании, и до Гибралтара дошел. У меня дома, между прочим, атлас есть, с нашими победами – все города исчерканы. Но я тоже в грязь лицом не ударил, оттеснил его к Пиренеям. Мы ведь во Дворец пионеров ходим, в шахматную секцию.

- И сейчас ходишь? – удивленно протянул Мишка.

- Конечно! А ты знаешь, что недавно в Доме офицеров первенство Ленинграда по шахматам проходило?

- Ух, ты! Не, не знал!

- Правда, всего девять человек играть пришло... остальных – кого на фронт вызвали, а кто прийти не смог...от голода. Но те, кто был, все равно доиграли!

- Да...- задумчиво сказал Мишка, - все-таки мы – удивительные народ.

- Ой, тоже мне герой-лениградец, - беззлобно рассмеялся Олег.

- Ну, я, может, и не герой...пока...Да я не про себя...Я про тех, кто играли... Герои.

- Точно, - согласился с другом Олег, - мы пришли. Вон, кстати, и Генка стоит. Пока Вовка с Юркой распевали песни, вернее, прокрикивали их охрипшими от голода и холода голосами, Олег с Генкой и увязавшимся за ними Мишкой, отправились по палатам – играть с ранеными в шахматы. Правда, играл только Олег на втором этаже госпиталя и Генка на первом, а Мишка в это время, читал или писал раненым письма, поглядывая на старшего друга.

- Я хочу сеанс одновременной игры устроить, - неожиданно заявил Генка. Медсестра, она же Генкина мама искренне удивилась.

- А ты сможешь, Геночка?

Но возражать не стала, а напрямик направилась к коменданту, попросить у него шахматы – той доски, которую таскал из палаты в палату Генка, явно не хватало для его задумки. Заинтересовавшийся необычным сеансом, комендант в недрах госпитального склада, нашел аж десять досок с прилегающими к ним комплектами шахмат, и обрадованный Генка пошел по палатам, ища себе противников. Когда все игроки были найдены, к юному гроссмейстеру подошел главный врач госпиталя – сухонький старичок небольшого роста.

- Слушай, малец, а ты не можешь сначала вот в эту палату зайти? - показал он рукой на дверь, возле которой стоял Генка, - там боец лежит у окна. Плохо ему совсем, может, отвлечешь его хоть немного.

- Конечно, иду, - тут же ответил юный шахматист и, постучав в дверь с цифрой пять, вошел в палату. Поздоровавшись со всеми, он напрямик направился к койке у окна, на котором лежал, отвернувшись к стене, раненый.

- Здравствуйте, - бодро начал Генка, - не хотите ли со мной сыграть в шахматы, я доску принес.

Застонав, раненный с трудом повернулся на кровати, и Генка ахнул – боец смотрел на него незрячими, перебинтованными глазами.

- Извините, извините, пожалуйста, меня не предупредили, простите, - забормотал Генка, пятясь к двери.

- Ничего, давай играть, я смогу. Когда-то я прилично играл в шахматы, я даже был... Впрочем, это не важно, - невесело усмехнувшись, сказал раненный, и продолжил, - меня Иваном Васильевичем зовут.

- Генка... Геннадий, - представился Генка и вернувшись к койке, пожал протянутую ему руку.

- Садись, богатырь, давай сражаться, - раненный на ощупь обнял юного шахматиста за плечи и оба весело рассмеялись: так мало походил на сказочного героя блокадный школьник, на котором вся довоенная одежда висела, как на вешалке.

- Расставляй. Нотацию знаешь?

Генка, забыв, что Иван Васильевич ничего не видит, кивнул головой, вздохнув – были, ох, были у него проблемы с обозначением полей. Догадавшись по не шумному, но весьма выразительному вздоху о страданиях юного шахматиста, раненный весело сказал:

- Ничего, разберемся!

Началась игра. Через несколько ходов Иван Васильевич терпеливо начал объяснять:

- Конь сб. Коняга со второй вертикали переходит на третью!

Увлечшись партией, Генка совсем забыл про обещанный им же самим сеанс одновременной игры, а вот противники не забыли! Дружной гурьбой они ввалились в палату с цифрой пять на двери, и «потребовали» юного гроссмейстера к себе.

- Я скоро, - выдохнул влекомый ранеными Генка, оглянувшись на Ивана Васильевича. Тот ободряюще улыбнулся, а когда за юным соперником закрылась дверь, уставился незрячими глазами в шахматную доску.

Сеанс одновременной игры, прошел даже лучше чем ожидал Генка. Среди соперников ни одного не то, что профессионального шахматиста не оказалось, но даже грамотного любителя не нашлось, так что он довольно легко поставил противникам несколько «детских» матов. Правда, пришлось- таки «повозиться» с тремя очень похожими друг на друга лицами и осколочными

ранениями зенитчиками, игравшими на одной доске. Они спорили, ругались между собой, но сдаваться на «милость» юного гроссмейстера никак не хотели! А ему мешало сосредоточиться на этой игре мысль, «гулявшая» по доске, оставленной у кровати Ивана Васильевича. Генке ужасно любопытно было посмотреть – что же придумает такой сильный противник, какие ходы? Наконец, игра закончилась и пообещав раненным, что на следующей неделе он обязательно заскочит к ним на такой же одновременный сеанс, Генка «полетел» в пятую палату. Иван Васильевич уже сделал ход и с нетерпением ожидал «соперника».

- Ну, держись, противничек! Пешка идет по седьмой вертикали на два поля, - весело воскликнул он, когда Генка появился в палате.

- Конь е5, - с сомнением протянул Генка, переставляя фигуру, впереди явно ожидалась трудность, но бросать игру он не хотел, - лениградцы умирают, но не сдаются, - громко провозгласил он.

- Положим, умирают не только ленинградцы, а вот сдать тебе придется! – повернув незрячую голову в сторону соперника, отчетливо произнес Иван Васильевич, - 20...h4, - после чего тут же начал напевать «Броня крепка и танки наши быстры...»

- Вы танкист, - догадался Генка.

- Кто ж еще гореть может? Правда, летчики тоже бывает...иногда...

- А вы «Тигра» когда-нибудь подбивали? – с замирающим от волнения голосом спросил Генка у танкиста.

- А как же, - буднично ответил тот и добавил, - с ним справиться легче, чем с тобой, богатырь.

Обрадованный комплиментом Генка с удвоенной силой ринулся в бой. Игра шла своим чередом, как вдруг Иван Васильевич, захрипев, стал заваливаться набок. Растерянный Генка выскочил в коридор и что есть мочи закричал:

- Врачаааа! Скорее! Танкисту из пятой палаты плохо!

Навстречу ему уже бежал сухонький главврач и медсестры.

- В палату не заходить, - на ходу бросив через плечо Генке, врач скрылся за белой крашенной дверью. Юный шахматист мерил шагами госпитальный коридор, прислушиваясь к звукам за дверью и пытаясь уловить – что там происходит. Чтобы скоротать время и стараться не думать о плохом, Генка зашел в палату напротив – к «одинаковым» зенитчикам и сходу выиграл у них партию, но, не в силах больше пребывать в неизвестности, он потихоньку толкнул дверь с цифрой пять. Вокруг кровати танкиста столпилось множество медсестер.

- Укол, быстро, - скомандовал врач, но взяв раненного за рук, усталым голосом произнес, - не надо...Все кончено.

Генка заплакал. Он плакал беззвучно, украдкой смахивая слезы и глядя невидящими глазами, как танкиста накрывают белой простыней. Он вышел в госпитальный коридор и опустился на скамейку. Через несколько минут мимо него прошли санитары с телом Ивана Васильевича. Рядом с Генкой на скамейку присел главврач, держа в руках шахматную доску.

- Не плачь, сынок. Это война, - а потом, кинув взгляд на шахматы, добавил, - Иван Васильевич в начале агонии прошептал: «Скажите мальчику, я пошел ферзем на h2...Это победа»...

Они немного помолчали, и напоследок врач, неловко погладив Генку по голове, сказал:

- Танкист ушел красиво...Как победитель...Жаль только, что наша страна потеряла большого шахматиста...

Он устало поднялся и пошел по коридору, махнув Генке на прощание рукой. Юный гросмейстер, собрав шахматы, медленно побрел навстречу Олегу с Мишкой.

Со второго этажа спустились «артисты». Мишка принюхался – от них почему-то пахло куревом.

- Откуда вы такие?...Странные? – подозрительно поинтересовался он у старших.

Прокашлявшись, Вовка гордо произнес:

- Это нас товарищи раненные курить научили! Эрзац-махорку!

Мишка с Олегом и грустным Генкой аж поперхнулись от такой новости.

- С ума сошли! Зачем? Это такая гадость, - Мишка, с округлившимися от удивления глазами пытался проникнуть в тайну важности для друзей столь странного занятия.

- Эх, ты, мелкий! – свысока поглядев на Мишку, и сплюнув сквозь зубы, объяснил Вовка, - они ж для нашей пользы старались – когда куришь, меньше есть хочется! Вот так-то! – похлопал он младшего друга по плечу, - но тебе еще рано, вот подрастешь, сам поймешь!

Всю дорогу до дома друзья обсуждали прожитый день, вспоминая концерт, сеанс одновременной игры, погибшего танкиста-победителя и, конечно же, новое умение Вовки с Юркой, которому научили их «сердобольные» раненные...

Радость.

«У нас большая радость! Блокада прорвана. Вчера целый день были веселы, на улицах флаги, в душе радость. Если бы ты видела радость, которая была у всех на лицах, надо было смотреть, как поздравляли друг друга даже незнакомые люди, везде чувствуется большой праздник». Елизавета Федоровна торопливо исписывала строчку за строчкой, рука сама летала над бумагой. Ей, казалось, что никогда еще она не была так счастлива, как двадцать седьмого января сорок третьего года. В эти дни у всех было ощущение, что все самое страшное позади, что скоро наступит конец войне. Вернется дочь, думалось Лизе, вот уже весной и вернется, и они вместе проживут долгую и счастливую жизнь. Жаль только, радость эту не с кем будет разделить – нет Ивана, матери, отца... Да и многих друзей и знакомых тоже нет.... Неожиданно для себя она приписала в конце письма стихотворение Веры Инбер «Трамвай идет на фронт»: «Холодный, цвета стали,

Суровый горизонт —

Трамвай идет к заставе,

Трамвай идет на фронт.

Фанера вместо стекол,

Но это ничего,

И граждане потоком

Вливаются в него.

Немолодой рабочий —

Он едет на завод,

Который дни и ночи

Оружие кует...». Правда, эти строчки были написаны еще в ноябре сорок первого... Почему она решила его именно сейчас отправить дочери? Наверное, с ходу Лиза бы не ответила на этот вопрос. Может быть, потому что ей нравилась эта поэтесса, и она захотела поделиться с Натой такими замечательными строчками? А, может быть, потому что ленинградцы уже столько пережили и это стихотворение – гимн их подвигу? К этому всему еще примешивалась радость от того, что сейчас в трамваях окна уже не забиты фанерой, а сверкают стеклами, вселяя надежду на скорую победу.

Стараясь не растерять потрясающее чувство радости и счастья, закончив письмо, она занялась привычным делом – завтра предстояло заменить учителя в пятом классе, а значит, надо было подготовить экскурсию и подобрать подходящие книги. Лиза знала, какие она возьмет из своей крохотной каморки у лестницу, как только сменится с дежурства. Начинался новый день, полный

надежд и желаний.

Болезнь.

В эти радостные для всех блокадников дни Витька не рисовал. Хотя из «отряда» водопроводчиков его отпустили, там появились взрослые помощники, на следующий же день он свалился от брюшного тифа и, когда все праздновали прорыв блокады, будущий большой художник лежал на продавленной койке в Боткинской больнице и мечтал выздороветь. Вернее, сначала, он и мечтать не мог, просто метался в бреду, и ему везде мерещились серо-зеленые немецкие шинели. Почему именно их «выдал» измученный болезнью мозг он не знал. Да и немцев то Витька видел близко только в апреле сорок второго, когда на Советском проспекте повстречался с колонной пленных. Какое же это было жалкое зрелище! Солдаты кутались в женские платки и заплатаанные одеяла, обувь тоже была пестрой и какой-то несерьезной. Бросались в глаза эрзац-валенки огромных размеров, в них нога казалось просто слоновьей. Только шедший впереди офицер был похож на «человека». В высокой фуражке и серой шинели, с рукой на перевязи, он, казалось, совсем ничего вокруг не замечал, смотря вперед отсутствующим взглядом. Вся колонна шла очень быстро, не перескакивая через лужи, а спеша по быстрее, прямо по воде и мокрому снегу пройти мимо бегущих рядом мальчишек, кидающих снежки, и женщин, норовящих прорваться к ненавистным завоевателям через молодых, розовощеких конвоиров. Эта картинка ярко врезалась в память, которая и «выдала» ее в самый разгар болезни. Даже рисовать Витьке тогда не хотелось, только выжить, правда, по книгам скучалось – их в семье было много и почти все были прочитаны или «стояли» в очереди на «проглатывание». Болезнь отступила в феврале. Вернувшись домой, Витька первым делом схватился за книгу, а уж потом за карандаш. Почему то больше всего захотелось нарисовать что-то героическое. «Дежурство на крыше», например. Он тут же разложил на столе бумагу и принялся набрасывать рисунок. Перекрестье световых лучей, маленькая фигурка, стоящая на самом краю крыши и всматривающаяся в тревожную ночь, вторая такая же рядом, согнувшись, закидывает песком зажигательную бомбу. Напряжение в фигурках создают напряжение во всей картине, от нее веет мужеством и какой-то выстраданной правдой.

Огород.

Когда миновала вторая блокадная зима, ребята вместе с учителями в Лахте развели уютный садик, вернее, огородик, где высадили все семена, какие только смогли найти. Вскоре на нем «заколосились» свекла, морковка, репа, турнепс, и кое-какая травка. На учительском огороде возшла капуста. Все так радовались ее хиленьким росткам, так мечтали о настоящих щах, но однажды сюда забрела корова...И все съела...Жалко очень было всем... Для ребят эти прополки-поливки, были не нудной работой, а развлечением, а самое главное, рядом, на станции стояла служба «ВНОС» - «Воздушное наблюдение, оповещение, связь». Бойцы частенько угощали «соседей» хлебом и сахаром, и даже, правда, редко, печенками. Жарким июльским днем, в небе над Ленинградом появились немецкие самолеты. Они пикировали вниз и сбрасывали бомбы. Со станции бомбежка не казалась такой ужасной, Мишка даже крикнул: «Плюются!» и все вокруг засмеялись. Это уже когда вернулись вечером домой, то узнали, что бомбили первые номера домов на Некрасова и Жуковского.

«Придет время и опять оживет наш вокзал, оживет наш Невский, вставят стекла в окна, откроют магазины, зажжется свет в фонарях. Сейчас даже трудно себе представить Невский в огнях – так темно у нас на улицах. Скоро, скоро придет это время. Жаль только, что не все доживут», - писала при свете «летучей мыши» Лиза в сентября сорок третьего, сидя в холодной учительской после очередного налета...

Эпилог.

Шел второй год блокады...Даня погиб в сорок третьем, Сева – восьмого мая сорок пятого, в Берлине. Данькина мама переписывалась с Севой, ее, уже неполученное другом сына письмо, выпало из полевой сумки. Мягкий треугольник подобрал командир и написал Даниной матери о гибели Севы. В апреле сорок четвертого, вскоре после снятия блокады погибла Витькина мать. Елизавета Федоровна после войны встретилась с Натусей. Мишка, Олег и Вовка пережили войну.

ВСТРЕЧА. (История одной фотографии...)

Данила развернул штурманскую карту и занялся изучением маршрута. Передышка скоро закончится, опять в наступление, надо подготовиться. Каждый полет, как в первый раз, никогда не знаешь, что тебя за дальним облаком ждет. Штурман внимательно изучал карту, когда над сожженными березками поплыли звуки далекой гармонии. Данила поднял голову и прислушался. «Несе Галя воду...» - наигрывал незнакомый музыкант. Мысли летчика «потянулись» за любимым мотивом. Сразу вспомнилась белая хата под желтой крышей, палисадник за низким забором, на пороге – отец и мама Лукерья. Свою родную мать он не помнил, Лукерья согласилась за вдовца Андрея замуж выйти, когда у того пятеро маленьких ребятишек было. Это ж сколько жалости к чужой ребятне надо было иметь, чтобы не раздумывая на пять «довесков» согласится. Своих им с Андреем Бог детишек не дал, так она чужих всех и вырастила...

Карта мертвым грузом лежала в руках штурмана, а он все никак не мог наслушаться знакомой песни. Когда гармонист заиграл «Цвите терен», Данила поднялся и пошел на звук гармоники. Навстречу попадались то пехотинцы, то танкисты, то, как он – летчики. Ждали начала большой, серьезной наступательной операции, а пока все наслаждались минутами

такого редкого, а от того еще более желанного отдыха. Штурман быстро нашел полянку, на которой вокруг гармониста собрались бойцы. Тут музыкант грянул: «Распрягайте, хлопцы, коней» и слушатели не выдержали – ноги сами понесли их в круг. В самом центре оказался улыбающийся, белозубый танкист, в лихо заломленным назад шлеме и с перевязанной шеей, которая никак не мешала ему отплясывать под знаменитую «Маруся, раз, два, три, калына». На груди бойца сверкала золотая звезда «Героя Советского союза». Данила остановился и стал разглядывать танцующих сначала просто так, из любопытства, а потом, поддаваясь странному чувству, что среди них есть кто-то знакомый, хотя ни одного летного шлема рядом видно не было. Чем больше он вглядывался, тем больше ему казалось, что в самом центре лесной поляны отплясывает «Хлопцев» его родной младший брат – Иван, с которым он не виделся уже почти семь лет – с тех пор, как ушел в училище на летчика учиться, а вскорости - на финскую! Штурман подумал, что так не бывает, такого просто не может быть. Он на минуту закрыл глаза, потом открыл и снова стал вглядываться в толпу бойцов. Песня закончилась, танкист, еще не отдышавшийся после веселой пляски, вернулся на свое место рядом с гармонистом, который завел «По диким степям Забайкалья». Данила нерешительно окликнул: «Ванька...» Тот оглянулся, но, не видя позвавшего, решил, что ему послышалось и отвернулся.

- Ванька! – крикнул Данила, который наконец-то перестал сомневаться в чуде. Иван тут же оглянулся и стал напряженно рассматривать лица бойцов, столпившихся рядом, ища того, кто так упорно звал его голосом старшего брата. Данила пробился сквозь толпу и как-то не по-солидному, не по-мужски, бросился на шею младшего. Тот, вскрикнув от неожиданности и от боли в раненной шее, через секунду уже сжимал брата в объятьях.

- Данила?! Ты?! Как?

- Ванька, - только и мог выговорить брат, у которого от радости все остальные буквы алфавита напрочь выветрились из головы. На двух братьев, никак не решающихся выпустить друг друга из крепких мужских объятий, и от неожиданности не могущих выговорить ни слова, бойцы смотрели, как на восьмое чудо света. Наконец, Данила с Иваном обрели подобие осмысленности окружающего и сели на ближайшую поваленную березу. Весть о случайной встрече двух братьев на войне, которые мало того, что воевали на разных фронтах, мало того, что они служили в разных родах войск, они еще и не виделись почти семь лет, мгновенно облетели всех. Вокруг них стала собираться внушительная толпа. Тут, как по мановению волшебной палочки,

из ближайшего блиндажа выскочил военный корреспондент и, на ходу нацеливая объектив издававшей вид «Лейки», стал стремительно «щелкать» неожиданную встречу. Он приехал писать заметку про Данилу и его новенький орден «Красного знамени», вернее, описывать – за что он его получил, а тут – такое, что и захочет его брат-журналист нарочно придумать и не придумает – жизнь – лучший писатель!

- Ребятки, вы ко мне лица поверните, я вас сейчас красиво, торжественно запечатлю, как раз под статью моменту.

- Мы ж не артисты, позировать не умеем. Уж так как-нибудь печатли.

- Ребята, какая заметка выйдет – два брата на войне встретились – ну, вы даете! Так, братцы, давайте – пусть старшой сидит, а младший вот тут встанет, вот, чтоб звезда Героя видна была. Вот! Так хорошо! А говорили – позировать не можете, не артисты. Красавцы!

- Ладно нас расхваливать, не девки красные.

- Я вам фотокарточки обязательно передам – своим отправите! Это ж какой коленкор! У вас семья где, товарищ летчик?

- Жена писала, как фрицев отогнали, в Андреевку, к нашим с малыши добралась, учительствует теперь там.

- Ну, дела...

- А у вас – жена, детишки есть, товарищ танкист?

- Куда ему, молодой еще! Рано!

- Ага, героя получить, стало быть, не рано, а жениться рано? – заготовили все вокруг. Иван, смущаясь и от того слегка покраснев (детская привычка даже на войне осталась) ответил: «Вот войну закончим, домой вернусь – самую лучшую дивчину найду...».

- Правильно, брат, не до девчат сейчас...

- Слушай, танкист, ты звезду то за что получил, а? – вступил в разговор рыжий разведчик.

- Да эт я под Курском на фрицев озлился сильно, вот первым и «влетел» на станцию, название у нее такое заковыристое: «Малоархангельск», я еще подумал – Орловская земля, почему Архангельск, да еще мааалый?» - заливиный смех танкиста раскатился по всей поляне и он продолжил: «ну вот пять часов мы на той станции с фашистами договориться не могли, чуть все боеприпасы на них не угробил, но фрицев всех под чистую в расход пустил», - рот Ивана снова растянулся в залихватской улыбке, - «вот как то так». Все вокруг одобрительно закивали головами: «Молодец, танкист!»

Корреспондент повернулся к Даниле: «Я ведь по вашу душу, товарищ летчик,

прибыл, а тут такой поворот! Такая встреча!»

- Что это «газете» от меня понадобилось? - на губах Данилы заиграла точная копия улыбки младшего брата, - «звезды» у меня нет...пока...(тут улыбка стала еще шире)».

- Так я про то писать прилетел, как вы сами самолет через линию фронта на одном моторе тянули.

- Ишь ты, знающий какой.

- Работа у меня такая – все знать, а про что узнал – всем рассказать.

- Одно слово «газета», - засмеялись столпившиеся у поваленной березы бойцы, никак не хотевшие расходиться по своим делам.

- Ну, а что ж делать было? Я над картой наклонился, маршрут сверял, тут из облаков мессер, командир на меня повалился – убило его, а мы ведь тогда над его домом пролетали, на обратной дороге на пару минут хотели приземлиться на поле...Смотрю - стрелок ранен... Ну, сам досадил к нашим на аэродром – горючее выгрузил и обратно. На левом моторе дотянули.

- Эх, брат, ты даешь!

- Ванька, а сам то?! Зеленый еще, а, смотри-ка, старшего обскакал...

Корреспондент, положив «Лейку» на землю, торопливо исписывал страничку за страничкой потрепанный блокнот, стараясь не пропустить ни слова...

Через неделю все фронтовые газеты «облетела» фотография двух улыбающихся братьев и заметка с коротким названием: «Встреча».

МАТВЕИЧ.

- Слышь, связь, спроси там, когда обед то прибудет?

- Дык ведь уже звонили, сказали – ложки готовьте, ты чего Федор мутишь воду?

- Дык уже час прошел, а обед то где!

- Ну, мало ли где наш дед задержамси? Он, ведь как говорит: лучше холодную кашу из кастрюли есть, чем горячую с земли собирать. Под обстрел попал, переживает где-нить, или еще чего приключилось. Не кипятись, подождать надо.

- Нет, ну чего себе, братцы – а може немчура на нас пойдет, а мы – голодные?! Солдат с голодным брюхом – не солдат.

- Верно! - поддержал крепкого, коренастого рязанца Федора веселый белозубый белорус Юрась. – Надо сказать начальству – пусть ему новую кобылку дают, а то на его кляче покаааа дотелепаешься... Тут не обед, ужин накрывать надо будет...

- Эва хватил! Ужин!.. Мы уж немчуру поганную в Берлине перебьем, пока он на своей Ласточке до нас доберется!
- Да уж, Ласточка та еще сокол, – весело заржали бойцы, шутками да разговорами пытаюсь заглушить крепко схватившее живот чувство голода.
- Простите, пожалуйста, - несмело обратился к сидящим в окопе новичок, только сегодня прибывший в часть – долговязый, нескладный москвич Миша. Он поправил свои смешные круглые очки и повторил: «Простите, пожалуйста. А почему вы повара дедом называете? Разве пожилых на фронт берут?»
- Ну, эт, мил человек, с какой стороны посмотреть. Скажем, чтоб женихаться – он старик, а чтоб воевать – в самый раз! – заулыбался Юрась.
- Ну, годочков то ему под шестьдесят будет, а, может, на седьмой десяток повернуло – мы в пачпорт то не глядели. Сейчас всех берут и старых, и малых – тебя ж вот взяли? Птенца желторотого?! – под одобряющий смех бойцов закончил белорус.
- Миша покраснел и слегка заикаясь, ответил: «Я не такой молодой, мне уже девятнадцать...почти...» Чем вызвал новый прилив хохота всех слушавших.
- Большоооой!
- Бери выше – старый!
- Жаних! – Послышалось со всех сторон. Михаил еще больше покраснел и тихо добавил: «Я уже на второй курс университета перешел... У меня и значок «ГТО» есть...»
- Ладно, - примирительно сверкнул белозубой улыбкой Юрась, - нормальный ты, парень, да и воевать научишься. А Матвеич наш такой, знаешь, седой, волос, как у лешака – густющий, усищи как у товарища Буденного – во! - тут белорус чиркнул себя ладонью чуть не по пояс, пытаюсь показать – какие у «деда» знатные усы.
- Мужик он не строевой, науке воинской не обучен, - вступил в разговор молчаливый Василий из Пскова, - вот и определили его к котлам.
- Кашеварит то он знатно, так ведь, братцы? – оглядел всех Юрась.
- Ну, чего про кашу то затянул? – недовольно буркнул Федор. – Еще пуще живот то подвело. Неужто вовсе не дождемся нынче?
- Может быть, на него напали? – робко спросил Михаил, в который раз поправляя свои круглые, перетянутые суровой ниткой очки.
- Новый взрыв хохота потряс окоп.
- Ну, малый, мастак ты говорить то, я смотрю, - веселился Юрась. – На писателя что ль учился?
- На учителя русского языка и литературы, - покраснев до кончиков русских

волос, сказал новичок, стараясь ни на кого не смотреть.

- Сила! Ладно, ты нам потом вирши какие-нить считаешь, - Федор приподнялся и, сложив рупором ладони, гаркнул в окоп связистам. - Слышь, рация, прозвони своим в штаб – чего там про Матвеича слышать?

Через пару минут связист крикнул земляку: «Не возвращался!»

- Точно искать нать. Чего без толку сидеть? Може, верно, писатель наш сказывает – на немцев дед наткнулся?

- У деда бердан знатный! С гражданской еще! Ему никакой немец не страшен! – загоготали вокруг.

- Вы хотите сказать, что у повара оружие есть? – Михаил в очередной раз поправил свои круглые очки и часто-часто заморгал.

- Ну, ты даешь, студент, - веселился Юрась, - как на фронте, да без оружия?! Выдали нашему деду трехлинейку образца семнадцатого года. Винтовочка тебя старше, писатель. Вот фрицы то напугаются такого музейного экспоната.

Тут белорус перестал смеяться, и серьезно закончил: «Искать надо, видать, правда, случилось что-то с нашим знатным кашеваром...». Пошли втроем - крепыш Федор, балагур Юрась и студент в круглых очках Миша. Дорогой они внимательно смотрели по сторонам, пытаясь найти хоть какие-то следы полевой кухни и молчаливого сибиряка Матвеича. Минут через двадцать пешего хода белорус, у которого был самый острый слух, резко остановился.

- Похоже, там кто-то есть, - кивнув на едва проглядывавшую между деревьями поляну, Юрась опустился на землю и по-пластунски бесшумно и быстро заскользил через кусты. Через несколько томительных минут ожидания раздался призывный свист. Федор и Миша рванули через заросли. Картина, которая открылась им на поляне, превзошла все самое ожидаемое, да и не ожидаемое тоже.

Первое, что увидели бойцы, была лежащая на траве убитая Ласточка. Глаза ее уже подпернула смертельная пелена, тонкие ноги были раскинуты в стороны, на примятой зелени особенно ярко алели пятна крови. Из пробитой в нескольких местах кухни вытекала еще дымившаяся каша. Матвеич, прислонившись к ее теплому железному боку, спокойно дымил цигаркой. У его ног лежало семь убитых немецких солдат в маскхалатах...

Бойцы так и застыли на месте. Когда к ним вернулась способность хоть что-то членораздельное произнести, они тут же засыпала боевого «деда» вопросами. Он, переждав, пока «страсти улягутся» неспешно повел рассказ, начав с того момента, как его знаменитая каша была готова и он отправился с ней на

позиции.

- Сперва началу я, как положено, в штаб обед те отвез.

- Да это мы знаем, - нетерпеливо перебил его Юрась. – Ты лучше расскажи, как вот это (он широким жестом обвел поляну и убитых немцев) тебе удалось!

- Я и рассказываю. Поехали мы с моей Ласточкой, эх, жаль кобылку те, надежный друг был...

- Матвейч, не тяни душу! Говори, давай!

- А я от и говорю. Не перебивай, быстрота те нужна при ловле блох, а война – она ума да терпения требует. Едем мы стал быть, с моей Ласточкой, смотрю, она ушами прядет, да мордой по сторонам крутит. «Тпру, говорю, милая...», а она те, умница, встала как вкопана. Отвел ее малек в сторонку, а сам гляжу, туда, куда она морду те свою тянула. Да глаз у меня уж не тот, далёко те не вижу, токмо вроде очертания каки за деревьями. Залег я, да винтовочку свою на изготовку и взял. Как ветка те в том месте шорохнулась, я туда и всадил. Чую, вроде, вскричал кто. Ну, тут они, мил человек, начали палить по мне, значит. Ну, я винтовочку перезарядил, да аккурат туда, где мелькало и стрельнул...Потом ишо...Ну, вот как-то так...Тяжелы, подлецы, оказались, еле доволок до суда...Эх, жаль кобылку мою...Немчура поганна все-таки зацепила, да и без каши вот оставил вас, братцы, уж простите...

- Извините, пожалуйста, а когда вы стрелять так метко научились, вы же на позициях не воевали, - от изумления бывший студент так часто моргал глазами, что, казалось, они у него выпадут прямо на гимнастерку. Свои круглые очки он держал в руках, забыв про них напрочь и, проморгавшись, начал близоруко щуриться, словно пытаюсь разглядеть тайну такой меткой стрельбы. - Иш, мил человек, хватил, - засмеялся в буденовское усы Матвейч. Не воевал, конечно, факт, да ить я – сибиряк, и дед мой, и отец, и я – охотники. В глаз белке попадать научены с измальства. А на фронте те между обедом да завтраком я берданочку свою пристрелял, чего время зря терять было? Ну эт чтоб сподручней было пользоваться, ежели что...

Вообщем, остались все без знатного кашевара, а Матвейч с винтовкой, правда, уж не трехлинейной, а снайперской до Праги дошел...

МАМА...

Мария вышла на просвет между деревьями – впереди маячила «колючка» концлагеря... Она остановилась перевести дух. Сердце неистово колотилось от усталости и страха – сколько недель она шла сюда, Мария не знала – дни мелькали, как кадры убыстренной съемки. Только одно придавало силы жить – желание дойти... Мария опустилась на землю и привалилась к стволу дерева. Надо унять предательскую дрожь в коленях и выйти к людям... Хотя фашистов назвать людьми сложно... Но у нее не было другого выхода – иначе зачем были все эти месяцы страшной, тяжелой дороги? Она закрыла глаза и тут же перед ней замелькали обрывки воспоминаний, где перемешивалась мирная радость и военная беда.

Вот она летним утром на речке, рядом Тося и Ваня. Гриша сладко спит в мамином животе, пока она полощет белье на мостках. Дочка потянулась за красивой кувшинкой – еле успела схватить ее за поясок красного в крупный белый горошек сарафанчика...

Теплое июньское воскресное утро. Голос из черного репродуктора перечеркнул мирные планы, отнял мужа-моряка и надежду на счастливое материнство. Гриша родился перед самым приходом немцев в родное Новоселье. Старостой назначили дядю Федю – соседа – инвалида, отца трех смешных русоголовых сестричек. Только он не был предателем – соберет для немцев продукты, а сам Ваню Егорова – четырнадцатилетнего связника к партизанам отправит – передать, когда и где проедет обоз... Выдала соседа какая-то нечисть...

Большой колхозный амбар на площади. На казнь дяди Феди все село согнали... Когда избитого, измученного старосту привели на площадь, Тося с Ваней, как и другие малые ребяташки, убежали в амбар, зарылись в старое, слежавшееся сено и горько плакали... Сколько еще детских слез по убитым партизанским душам увидят эти стены – кто ж возьмется сосчитать...

Март сорок четвертого. Почувствовали изверги – кончается их время, и залютовали зверски. Когда всех сельчан на площадь собрали, Мария решила – смерть пришла – загонят сейчас всех в амбар и подожгут – как в соседнем Росткове. Ни стар, ни млад - никто не спасся... А куда бежать с детьми, когда каратели с автоматами рядом вышагивают? Вокруг запылали избы - добро, поколениями нажитое, в пепел обратилось. Погрузили немцы всех, как скот какой, в вагоны грузовые и на чужбину отправили...

Не знала Мария, что когда поезд уже тронулся, успел сбежать Ваня-связник, да в лес со всех ног броситься. Насилу партизан нашел – они как раз с насыпи железнодорожной возвращались – дорогу заминировали – думали – немец солдат своих повезет, или технику...

- Подождите! - Ваня задыхался от быстрого бега, - в поезде наши, новосельские, их в Германию везут.

- Срочно разминировать! - вполголоса скомандовал командир. –Бе-гом - марш!

Пригибаясь к земле, неслышными тенями заскользили партизаны к полотну, в которое недавно так удачно «вписали» мину замедленного действия. Володя – сапер метнулся к насыпи. Послышался шум приближающегося поезда. Эти минуты показались Ване годами. Наконец под куст «скатился» довольный Володя и тут же мимо простучали колеса...

- Успел, - выдохнула вся группа и устремилась в глубь леса...

Под Псковом эшелон начали бомбить наши самолеты. Кое-как выбравшись из покоруженной груды металла, Мария толкнула детей в глубокую воронку, сама спрыгнула следом, и, как орлица распласталась над малышами... Крики, стоны, скрежет, вой бомб – такого ужаса она в своей жизни не испытывала никогда. В минуты затишья, когда самолеты шли на разворот, ей чудилось, что кто-то рядом ходит и разговаривает. «Я, наверное, схожу с ума. Кто здесь, в этом аду, может ходить?»

- Мама, мамочка, слышишь? – Раздался тоненький голосок Тоси, - мама, там кто-то есть...

- Там никого не может быть...

- Мамочка, я хочу посмотреть, пожалуйста, можно?

- Я сама!

Стараясь опередить любопытную Тосю, Мария немного приподнялась и осторожно выглянула из воронки. Рядом ходил седой старик. Белая борода развевалась на ветру, голова была поднята к небу. Потрясая худыми руками, он повторял, как заклинание: «Поддай, им, сынки, поддай, родимые!» Как же он хотел, чтобы наши самолеты разбомбили немецких гадов, и уже было не важно – погибнет он сам, или спасется... Налет кончился. Вскоре пришел новый состав, и, орудуя прикладами, фашисты загнали всех уцелевших в вагоны.

Когда их привезли в Прибалтику - началось самое страшное – «сортировка» - в одну сторону немцы сгоняли молодых и здоровых, могущих «работать» на Германию, в другую колонну отправили стариков и детей. Самых маленьких вырывали прямо из рук матерей и швыряли в толпу. Крики, плач, автоматные очереди... После этого, отобранных для работы увезли...

Через месяц Марии удалось бежать. Лагерный врач – немолодая женщина, с печальными глазами и страшно усталым лицом, подменила документы. Теперь Мария стала считаться умершей. Ночью молодая женщина проползла под «колючкой» и бросилась бежать в ближайшей лесок. Этот лес так был не похож на чащи милой сердцу Псковщины – редкий, с низкими деревьями, просматриваемый со всех сторон. Сердце выпрыгивало из груди, в висках стучало, перехватывало дыхание, а она все бежала и бежала, стараясь уйти как можно дальше от лагеря. Сколько она скиталась по чужой земле, она не знала. Направление – куда идти выбрало случайно – видно, материнское сердце подсказало. Когда добралась до Броцене, оказалось, что детей там нет. Какой-то словоохотливый мужик сказал, что всех узников убили...

Мария упала на землю и зарыдала. Смысла жить больше не было.

- Не убивайся ты так, живы они... Те, что в лагере были... Увезли их...

- Куда? - выдохнула Мария.

- В порт, - махнула рукой женщина и протянула краюху хлеба. – Тебе на железную дорогу надо.

Женщина ушла, Мария осталась стоять, прижимая к себе хлеб. Вдалеке показалась колонна пленных солдат. Они шли, поддерживая друг друга, шатаясь от усталости и ран. Самый молоденький паренек, стоящий с края колонны так и «впился» глазами в краюху, которую Мария все еще автоматически прижимала к груди. Этот взгляд вывел ее из оцепенения.

- Нате, родненькие, возьмите, - тут же заскороговорила женщина и протянула хлеб пареньку. Он бережно подхватила краюху и начал раздавать кусочки в протягивающиеся со всех сторон руки. Охранник ударил Марию прикладом автомата. Женщина упала, колонна прошла мимо. Поднявшись с земли, она медленно побрела в сторону железной дороги...

Товарный состав, стуча колесами на стыках рельсов, медленно «вползал» на холм. Мария, пригибаясь к земле, бежала рядом с последним вагоном, стараясь забраться на подножку. Наконец, ей это удалось, и она перевела дух на куче угля, насыпанного на дощатом полу. Временами ей казалось, что она никогда не попадет в лагерь. Сколько уже было этих поездов – пассажирских, товарных, почтовых? Сколько раз она рисковала жизнью, вскакивая на ходу на подножку вагона, она не считала. Не зная местности, не зная языка, она шла, ехала, бежала туда, где были... где должны были быть ее дети...

Мария вышла на просвет между деревьями – впереди маячила «колючка» концлагеря... Сколько дней она мечтала об этой минуте... Передохнув, она медленно двинулась к воротам. В лагере началось построение, все узники стояли рядами на плацу. В самом первом Мария увидела своих – Ваню, Тосю и маленького Гришу. На дрожащих ногах женщина подошла к воротам. Охранники вскинула автоматы. Мария закрыла глаза, ожидая автоматной очереди. Очнулась она от криков детей: «Мама, мамочка!». Мария увидела, как Ваня и Гриня наперегонки с Тосей бегут к охранникам, крича и показывая на женщину рядом с воротами. Немцы, грубо толкнув Марию в глубь территории, захлопнули тяжелые створки. Мария обняла детей...

(Рассказ написан на основе воспоминаний малолетней узницы концлагерей Антонины Васильевны Ивановой, г.Саров).

ТОСЯ И ЗОСЯ.

Кошки эти не были сестрами – это горе их общее – военное – родными сделало. Тося хозяев потеряла, когда бомбежка началась. Так ей жутко было, что забилась она в подвал соседнего дома, и несколько дней носа на улицу не

показывала, даже голод не смог страх в ней пересилить. А когда решилась в свой дом вернуться – в нем уже не было ни хозяйки, ни ее белоголового сорванца – ушли они от войны спасаться. Поискали-поискали любимицу свою серую и ушли. В самом деле, не оставаться же им, из-за кошки, хоть и «родной», под бомбежками?.. Вот так Тося одна оказалась... Правда, тогда ее Муркой звали, но кто же об этом знал, кроме нее?! А Зося родилась уже под грохот разрывов и треск пуль. Кое-как попитавшись пару месяцев молоком худющей, с ввалившимися боками матери, в один из ночных артобстрелов она потеряла и родительницу, и хоть жиденюкую, но живительную еду... Погибла бы она от голода и страха, но на ее счастье, спасаясь от грохота и огня, прыгнула в «зоськин» подвал Тося. Беда сближает не только людей – две одинокие кошки стали вместе бороться за жизнь. На их счастье в этом дворе вскоре появилась полевая кухня, где варили кашу с настоящим, хоть и жестковатым, но все-таки мясом. Привлеченная умопомрачительным ароматом солдатского супа, решилась Тося на свою знаменитую вылазку. Во время подготовки обеда, она набралась смелости и дерзко выхватила кусок мяса прямо из котла! После чего благородно разделив его с Зосей, съела тут же, урча и давясь, и даже не думая покинуть место преступления. Впрочем, терять ей было уже нечего – или смерть от голода, или от рук повара, но хоть на сытый желудок! И тут неожиданно, она получила не только ожог передней лапки, но и восхищение изумленного бойца, на глазах которого произошло это «выдающиеся» событие. С того дня, Тося с Зосей стали регулярно «столоваться» на солдатской кухне и обрели если не дом, то хотя бы подобие сытой жизни рядом с человеком. Они приобрели упитанный вид, лоснящуюся на солнце шерстку и полную уверенность в том, что их кошачья жизнь вообще-то неплохо «удалась». Причем, бойцы не только им «паек» выделили, но и именами «наградили». У одного из солдат дома дочки маленькие остались – Антонина и Зинаида. Вот он почему-то живность Тосей и Зосей назвал – то ли от тоски по детям, то ли просто имена подходящие нашел... Несмотря на рвущиеся иногда совсем рядом снаряды и дымовые завесы, которые так не любили «подруги», уходить кошки отсюда не спешили. Люди рядом хорошие – и погладят, и на руки возьмут, про кормежку и говорить нечего – сытно и регулярно – о чем еще мечтать?

Но в один далеко, как выяснилось, не прекрасный для кошек день, во дворе не осталось, ни только солдатской кухни, но даже ее сладостного и притягательного запаха. Фронт «откатился» на запад. Тося с Зосей остались один на один с жизнью, в которой их ждало мучительное чувство голода и

одинокства. Заботливый повар оставил им небольшой запасик мяса и каши в знакомых мисках. Но он быстро закончился, как быстро заканчивается все хорошее. Пришлось подругам переходить на «подножный», вернее на «подвальный» корм, а его, ой как нелегко, было добывать! Крысы давно покинули город, чувствуя приближение бомбежек. Только мыши еще кое-где оставались в подвалах, но потом и они куда-то пропали. А те, что еще встречались, были слишком осторожны, и стать добычей кошачьей парочки соглашались крайне редко. За долгое время одинокой жизни, подругами были обшарены все уцелевшие подвалы, все полуразрушенные дома на доброй половине города. Затем «в ход» пошла и вторая его половина – кошки решились даже перебраться по остаткам моста, взорванного «нашими» при отступлении еще в сорок втором. Ежеминутно они рисковали сорваться и навсегда пропасть в речной глубине, но голод упорно гнал их на другой берег. «Там обязательно будет что-то съестное» – эта надежда придавала сил – им, а лапам – ловкости. Постепенно «вылазки» на другой берег стали совершаться с завидным постоянством, но богатой, или хотя бы просто хорошей добычи вскоре перестали приносить и они... Через несколько месяцев у подруг не осталось не то, чтобы шанса выжить, им уже и жить то не хотелось. Да и разве это была жизнь? Постоянная борьба с голодом, страшное одиночество и чувство ненужности, дрожание от холода и отражение набегов таких же озверевших от собственного существования бродячих собак.

К тому времени, когда в полу разбитый дом, в подвале которого обитали подруги, въехали жильцы, Тося с Зосей совсем одичали, оголодали и почти перестали быть похожими на представителей благородного семейства кошачьих – сквозь тонкую кожу со свалывшимися клоками шерсти были видны кости, морды вытянулись, в тусклых глазах прочно засел страх. Вернувшись после очередной «вылазки» по подвалам, они обнаружили, что в их «родном» дворе, который после ухода бойцов они почему-то так и не решились покинуть, появились люди! Первой решила обследовать территорию, занятую кем-то чужим Тося – как самая старшая и смелая. После того, как она, «озверевшая» от голода, стрельбы и бомбежек, стащила тот самый, «судьбоносный» кусок мяса из дымящегося котла полевой кухни, Зося раз и навсегда признала в ней «старшую». Она теперь без подруги и шага ступить не могла, да особо и не рвалась. Вот когда Тоська все разведает, вынюхает, «мявкнет» призывно – тогда можно смело к ней присоединиться. Шатаясь на ослабевших от голода лапах, старшая подошла к закрытой двери и начала ее обнюхивать. Тут же из квартиры послышался собачий лай – это

Муха, маленькая белая собачка новых жильцов, почуяв кошачьих четко обозначала свою территорию и «намекала» непрошеным гостям, что в доме уже есть «хозяин», вернее, «хозяйка», а все прочие здесь лишние. Тоська отступила на «заранее подготовленные» позиции - в подвал, но сдаваться она не собиралась – это был единственный шанс выжить, и она твердо решила воспользоваться им до конца! Терять подругам было нечего. Они охотно обменяли бы всю свою оставшуюся жизнь на кусок мяса или хотя бы на самую «завалящую» рыбешку - от души наестся, а потом, и «помирать» можно.

Намерение во что бы то ни стало «познакомиться» с новыми жильцами Тося красочно продемонстрировала на следующий день. Всю ночь, дрожа от сырого ветра, она пролежала на ступеньках дома, чудом не рассыпавшихся от бомбежки, боясь пропустить появление людей.

Утром, когда дочери новой жилицы вышли из квартиры, кошка как бы невзначай вышла, вернее, выползла им под ноги...

- Какая худенькая! - ужаснулась та, что постарше.

- Ой, правда! Бедненькая! Она, наверное, есть хочет! - поддержала ее белобрысая сестра с двумя тощими косичками.

- Давай попросим маму ее к нам забрать! Жаааалко ее!

И они тут же, долго не раздумывая, взяли Тосю на руки и потащили домой. Муха явно не обрадовалась этому вторжению. Она лаяла, скулила, прыгала вокруг девочек, всем видом выражая крайнюю степень недовольства. Но мать девчонок – бывшая детдомовка, врожденную доброту и сострадание которой ко всему живому не смогли «уничтожить» ни детдомовское детство, ни голод, ни жестокая война, ни прочие жизненные передряги, тут же коротко бросила дочкам: «Пусть живет». Потом повернулась к Мухе и, покачав головой, сказала: «И чего ты возмущаешься? Тебя, значит, можно было приютить, а эту доходягу нет?! Где же твоя звериная солидарность?». Это была чистая правда – маленькая белая собака попала к ним на Украине, куда всю семью вывезли оккупанты из родного Воронежа. Была она не простая собака, а самая настоящая артистка – в бродячей труппе цирковой служила. Хозяев ее война застала недалеко от села, куда привезут потом немцы выгнанных их своих домов воронежцев. Кто-то из артистов вместе с воспитанниками четвероногими сразу под бомбежками погиб, кто-то добровольцем на фронт ушел, а белая собачка потерялась во время паники немецкого наступления и осталась в селе. Когда бывшая детдомовка вошла во двор пустующего дома, где можно было разместиться семьей, навстречу ей выскочила Муха и начала показывать все, чему ее научил прежний хозяин – танцевать на задних лапах,

ходить на передних, крутиться вокруг своего маленького тельца. Девчонки, смертельно уставшие и напуганные долгой, тяжелой дорогой, остановились, как замороженные, радуясь неожиданному концерту. На их измученных, худых, грязных личиках с облезавшей кожей, впервые с начала войны засветилось подобие улыбки. Когда собачка показала все фокусы, которым научил ее дрессировщик, она наклонила маленькую голову, словно ожидая похвалы. И тут раздались аплодисменты, которых она так давно не слышала и по которым так соскучилась! И пусть они были тихими, почти не слышными – военные дети научились скрывать свои чувства, но все же, это был давно забытый Мухой успех. Когда-то ее трюками восхищались не только маленькие, но и взрослые зрители и не известно даже – кто из них больше радовался, глядя на арену и белую маленькую собачку на ней. Они на радостях кричали, громко хлопали, смеялись от души, и четвероногая артистка всегда была так счастлива, что частенько отказывалась от ужина – казалось, она была «сыта» своим успехом и любовью всех, кто приходил на представление...

Все первое военное время потерявшаяся Муха жила во дворе заброшенного дома, питаясь кусочками хлеба, которые бросали ей сельчане. Когда особенно везло – ей удавалось «разжиться» и миской молока, налитой особо сердобольными. Но взять к себе в дом маленькую собачку никто не спешил – все справедливо рассуждали – «сейчас не до жалости. Война. Самим бы выжить, а тут – лишний рот...». Вот почему, когда во дворе появились люди, ей так захотелось им понравиться, и вовсе не хотелось, чтобы они прогнали ее с «насиженного места», потому-то она и устроила им самое настоящее цирковое представление. Успех превзошел все ожидания – Муху не просто оставили жить во дворе, ее взяли в дом, и она, о счастье!, стала самым настоящим, маленьким «членом семьи». Бывшая детдомовка понимая, что им самим есть нечего, собаку все равно приютила. Так в ней сильна была любовь ко всему живому, что никакая кровавая война не смогла ее истребить.

Однажды к ним во двор зашел полицай – злой, как собака, хоть и не хорошо славных животных таким сравнением обижать... Муха этого большого черноволосого Николу не любила – он всегда как-то не хорошо щурился, когда на ее семью смотрел – старшая дочка Хозяйки была кудрявая, черноволосая, не похожая на русскую девочку. А тут он зашел в их двор, похозяйски сорвал яблоко с дерева у плетня, обошел весь двор, заглядывая во все закутки, и неторопливо двинулся к дому. Этого вторжения маленький сторож перенести не могла. Она с лаем выскочила ему навстречу, а он

винтовку с плеча снял и в малявку выстрелил. Как же она крутилась, визжала – пыталась шею свою раненнуюлизать... Когда изверг ушел, Хозяйка Муху на руки и в дом - выхаживать. И ведь выходила! Только старалась больше ее во двор не пускать, особенно если полицаи или немцы мимо шныряли.

После освобождения села, хоть и не сразу, семья вернулась в родной Воронеж, и собаку с собой взяли – не тот детдомовка была человек, чтобы хвостатого «члена семьи» на улицу выкинуть.

Вот и кошку тут же согласилась взять, хоть и понимала – времена тяжелые, война идет, людям есть нечего, не то, что животным, да еще детей одной поднимать надо – муж погиб в июле сорок четвертого... Как только дочки понеслись в школу, солидно опаздывая туда из-за общения с кошкой, а сама новая хозяйка, положив в старую консервную банку маленькую, но аппетитно выглядящую рыбку, принялась готовить обед, Тоська тут же шмыгнула в незапертую дверь и отправилась за подругой.

Зоська, прождав старшую всю ночь и, потеряв под утро всякую надежду, увидеть ее живой, завалилась на бок и, вытянув худючие лапы, и приготовилась умирать. Она закрыла глаза и перед ней пестрой вереницей потянулись воспоминания. Мама – совсем маленькая, такая же худая, как сама Зося сейчас, с пугливыми янтарными глазами. Старенький подвал... А вот Тося, крадущая мясо из дымящегося котла... Потом в них появился рыжий пес, на которого совсем недавно она, сама от себя не ожидая такого, набросилась со звериным отчаянием, защищая подругу, повредившую переднюю лапу и потому не могущую спастись бегством. Скоро эти картинки, образующие причудливые узоры калейдоскопа жизни стали совсем фантастичными. Она увидела живую и невредимую Тоську, а перед ней – настоящую, маленькую, вкусно пахнущую свежестью половину рыбешку. Постепенно эта картинка стала такой реальной, что Зосе стало чудиться, будто она слышит призывное «мявканье» подруги и даже чувствует, как та старательно облизывает ей мордочку, пытаясь привести в чувство. Зосе совсем не хотелось просыпаться, чтобы опять увидеть тот же ободранный, холодный подвал, ощутить страшное одиночество и острое чувство потери подруги. Но видение не исчезало, и Зося большим усилием остатков воли заставила себя открыть один глаз. Тоська из сна почему-то перекочевала в реальность и все настойчивее пыталась заставить младшую подняться. Та, честно хотела это сделать, но лапы Зоськи не слушались и расползались во все стороны, как в пору не очень далекого детства, поэтому ей никак не удавалось опереться на них и сделать хотя бы какое-то подобие шажка. После

многочисленных бесплодных попыток подняться, она впала в отчаяние, легла на пол, закрыла глаза и совсем перестала реагировать на голос подруги. Тогда Тоська, которая никогда в жизни не имела своих котят, а, значит, и не имела ни малейшего представления, как их носят матери-кошки, Тоська, в которой жизнь тоже еле-еле теплилась, схватила подругу за шкурку и потащила к лестнице. Ее отчаянное упорство вселило в младшую надежду, и Зося сама стала пытаться переставлять лапы по ступенькам. Этот подъем вверх, такой, казалось бы, несложный и давно привычный показался им вечностью. Наконец подруги оказались на крыльце. Теперь предстояло «уговорить» новую семью принять еще одну «жилицу»...

Но уговаривать никого не пришлось. Как только хозяйка квартиры увидела «живописную» картину: Тоську, которая поддерживала за шкурку еле держащуюся на дрожащих лапах Зоську, тут же прослезилась и, конечно же, определила к себе на жительство обоих.

Так и стали они жить вместе – не очень довольная этим соседством Муха и весьма обрадованные новой семьей Тося и Зоська. Правда, теперь они в очередной раз сменили имена. Никто же не знал, да особо и не задумывался, что у этих военных «доходяг» уже могут быть клички, а не только своя собственная жизненная история. Теперь подругам пришлось учиться отзываться на Мусю и Тусю... Но, как говорится – есть захочешь – не только на новое имя согласишься...

Через три года случился в квартире пожар. Взрослые уехали в соседний городок на свадьбу к родным, а белобрысая девчонка, гладившая ленточки для своих смешных косичек, оставила включенным утюг... Это сейчас техника «умная» пошла – если сильно утюг перегревается – отключается. «Защита от дураков», если сказать грубо, а если мягко – «от детей» срабатывает. А в то, технически не «продвинутое» время – такого не было... Стоял-стоял утюг, перегревался-перегревался, да ладно бы сам раскалился, он же еще и одеяло, на котором бантики гладили, перегрел... Ну, а дальше полыхнуло – сначала одеяло, потом кровать загорелась, тут и занавеску прихватило... Вообще, когда соседи заметили дым, да в школу побежали – ключ у девчонок забрать, много времени прошло... Пол комнаты уже выгорело или закоптилось...

Муська, она же бывшая Зоська, как самая пугливая, за шкаф забилась – еле вытащили ее оттуда – шерсть уже тлеть начала, а Туська с Мухой под кровать забились, хорошо, не под ту, на которой утюг стоял. Все спаслись, только Муська слабенькой здоровьем оказалась – видно, сказалось военное младенчество, она недолго после этого прожила. Наверное, дыма наглоталась

– начала часто чихать, кашлять, болеть. С каждым днем становилась все слабее и слабее. А в последний день свой металась по комнате – место искала... На улицу уйти сил уже не было, а на виду у всех умирать кошки не привыкли... Природа у них такая... Девчонки плакали, сидели с ней рядом, гладили, просили: «Не умирай, Мусенька, пожалуйста...» Особенно младшая, белобрыся, которая утюг тогда на кровати оставила, переживала, себя в Муськиной болезни винила... Мать девчонок любимицу гладила, а слезы капали на серую кошачью шерсть...

Все оставшиеся, отпущенные им судьбой годы, Муха с Тусей прожили очень мирно – горе потери друга сблизило их. Первое время Туся очень переживала, ждала младшую – сядет у двери в квартиру и смотрит, не отрываясь. Как только дверь начинает открываться, она сразу в образовавшуюся щель мордочку сует – вдруг она там сидит, серым хвостом помахивая. Ночью спит, а сама ушами «прядет», как лошадь – может быть, Муськино мяуканье услышит? В подвал, бывший когда-то их военным домом, как на работу бегала. Все углы обойдет, все обнюхает, осмотрит – вдруг где серый бок мелькнет. Потом смирилась, поняла, что не увидит больше свою подругу. С тех пор стала она грустной и молчаливой, подолгу лежала одна, не подходя к хозяевам за «порцией» ласки. Зато с Мухой общий язык «нашелся» - стали они вместе вечера проводить, даже на прогулку вместе ходили, причем обе «без поводка». Так весь свой век и скоротали вместе...

КАТЮША.

Катюшка замерла, свернувшись комочком, и опустилась в самый низ живота. Галина пыталась сдержать дыхание, сбившиеся от быстрой ходьбы, чтобы ни малейшим звуком не выдать своего присутствия. Совсем близко от нее остановился полицейский, совершавший обычный ежевечерний обход окраинных улиц их маленького, скрытого в зелени садов Пирятина. Весна в этих краях начиналась рано и уже в апреле все деревья покрылись зеленой шапкой молодой листвы. Почему-то сегодня Никола, самый злобный из всех земляков, переметнувшись на сторону немцев, не торопился идти дальше по привычному маршруту. Он стоял, всматриваясь и вслушиваясь в ясную украинскую ночь, рядом с тем местом, где притаилась Галя. Тянулись тревожные минуты ожидания, а Никола все стоял и смотрел в темноту. Галина, не выдержав напряжения, прикрыла глаза, судорожно сглатывая подступивший к горлу ком. Постояв с закрытыми глазами несколько томительных мгновений, она заставила себя посмотреть туда, где стоял полицейский. Николы не было. Переведя дух, Галя решила осторожно двинуться дальше, но в это время кто-то толкнул ее в плечо. Она резко повернулась и увидела прямо перед собой ухмыляющегося Николу.

- Попалась, курва партизанская? – приглядевшись внимательно и признав в незнакомке Галину, он сплюнул сквозь зубы и злобно добавил, - ишь, брюхатая, а туда же. Сдохнешь вместе со своим отродьем.

Больно вцепившись в плечо молодой женщины, полицейский поволок ее в сторону комендатуры и втолкнул в сторожку, служившую фашистам тюрьмой.

- Посидишь до утра. Придут хозяева они с тобой разберутся, - грязно выругавшись, Никола закрыл дверь, задвинув огромный засов.

Галина начала осторожно, на ощупь, пытаться дойти до угла, и, оперевшись в него, осторожно опустилась вниз, попав на кучу прошлогодней соломы.

Катюшка беспокойно зашвырялась и Галина, поглаживая свой огромный живот, вполголоса заговорила с дочкой.

- Прости, доченька, прости, что ты из-за меня в лапах фашистов оказалась, – Галина, закусив губу, постаралась отогнать непрошенные слезы, - нам с тобой нельзя раскисать, нельзя...струсим – сколько людей погубим.

Она шептала Катюше ласковые слова и пела песни, пока сама не впала в

тяжелый сон, похожий на забытье.

Почему-то Галина с самого начала знала, что у нее будет дочка. Имя они с Володей сразу придумали – Катюша. Мужа расстреляли в первые дни оккупации, ему всего восемнадцать было. Рано они поженились, совсем ведь молоденькие были, а что поделаешь – любовь, да еще какая. Как только в родной город пришли фашисты, Галя хотя уже знала, что беременна тут же нашла тех, кто как и она мечтал бороться с врагом. И растущий с каждым днем живот, ей партизанить не мешал. Конечно, взрывчатку под рельсы она не закладывала, «охоту» на полицаев не вела, просто ходила из городка в лес на заветную поляну и передавала нашим сведения о немцах, кое-какие продукты и с огромным трудом доставаемые медикаменты. Героиней себя не считала, просто упорно делала свое маленькое дело, незаметно приближая общую победу. А то, что она рано или поздно, обязательно будет, Галина не сомневалась. Конспирация была хорошая, практически никто знал, что очень молодая женщина с большим животом не за хвостом в лес ходит, а к партизанам.

С мыслью: кто мог выдать и что он про нее знает, она проснулась, когда едва забрезжил рассвет. Лучи апрельского солнца настойчиво пробивались сквозь дощатую дверь тюрьмы. Начинался новый день, который таил в себе страх неизбежной расправы.

Во время допроса Галина больше всего боялась, что будут бить по животу, и ее Катюшка умрет, так и не родившись. В этот день ее несколько раз ударили по животу, хоть она изо всех сил и пыталась его прикрыть, но в основном били по спине и ногам. Зверствовать так, чтобы ребенок погиб не стали – боялись, что мать умом тронется, а из «дурочки» сведений не вытащить. Через два часа допроса, на котором она все время твердила, что никаких партизан отродясь не видывала, и кто они такие знать не знает, ее опять отвели в сторожку, вернее, приволокли и бросили на земляной пол. Дверь захлопнулась.

Потянулись долгие часы заточения. Галя слышала отрывистую лающую речь и каждый раз замирала, когда голоса немцев раздавались совсем рядом. За стенами сторожки шла обычная жизнь, из которой она чьим-то предательством была вырвана, может быть, навсегда. Надежды, что ее отпустят живой, не было – немало казней партизан видел их любимый Пирятин за время оккупации. Некоторые тела висели неделями, для остротки живых.

Тяжелые раздумья прервал тихий голос, звавший ее по имени: «Галина».

Голос «шел» из-за закрытой двери. Женщина, с трудом поднявшись с прелой соломы, осторожно поковыляла к выходу.

- Галина, я хочу вам помочь, - послышалось через закрытую дверь.

- Вы кто? – спросила Галя, напряженно вслушиваясь в еле слышные слова и одновременно пытаюсь узнать голос.

- Я Митя, я здесь убираюсь. Я слышал, как вас по имени называли.

В это время на улице послышались голоса, среди которых выделялся визгливый голос Николы.

- Шевелись! Пол часа на одном месте метешь, комсомол недобитый, к стенке бы тебя, гада поставить. Шевелись, кому сказано, кто все остальное убирать будет?

Послышался удар, смех полица, потом все смолкло. Галина отпрянула от двери. Через несколько минут опять послышался голос Мити.

- Ушли гады. Я к вечеру вас выпущу. Они за мной не больно следят. Я бежать хочу.

Галина молчала, радость, смешанная с подозрением, мешала говорить.

- Я наш, меня в плен взяли, когда без сознания был. Отошел малость, вот меня тут убираться заставили. Второй день во двор гоняют.

Галя все еще не решалась поверить в скорое освобождение:

- Тебя убьют, если узнают.

- Я бежать хочу.

Раздался резкий окрик, видно немцам не понравилось, что пленный крутится около сторожки. Митя тут же нарочито громко зашаркал метлой. Постепенно скрежещущий звук становился все тише, видимо, Митя пошел дальше убирать двор комендатуры. Галя стояла в углу, мысли о предстоящем побеге не давали сесть и постараться забыться спасительным сном. «Только бы вечером на допрос не вызвали... Хотя, немцы рабочее время строго соблюдают, о здоровье своем фашистском заботятся». Раздражающая всех немецкая педантичность теперь была Галине на руку.

В сторожке, наконец, стемнело, видимо на улице наступил вечер. Постепенно дневные звуки затихли, уступив место тревожной тишине ночи. Мучительно хотелось есть и пить. Фашистское милосердие не было столь всеобъемлющим, чтобы дать узнице хотя бы кружку воды и кусок хлеба. Катюшка швырялась изо всех сил, сознание Галины мутилось от переживаний и голода, к которым прибавились тянущие боли внизу живота. Наверное, поэтому она не сразу услышала тихий голос, звавший ее по имени. Прислушавшись, Галя узнала голос Мити, прозвучавший для нее долгожданной музыкой свободы.

Осторожно двигаясь почти в полной темноте, через несколько минут она оказалась у запертой двери. Митя возился с запором, стараясь открыть его без малейшего скрежета. Галя, почти перестала дышать, даже Катюшка замерла в ожидании. Минуты тянулись бесконечно долго. Галина уже начала терять надежду, как вдруг дверь в сторожку тихонько приоткрылась. Женщина осторожно, насколько это было возможно, протиснулась в небольшую щель. Митя – невысокий совсем молоденький парнишка в полинялой военной форме, с забинтованной грязной тряпкой головой, сунул ей в руки какой-то сверток.

- Хлеб, я вам от обеда оставил.

- Спасибо тебе! - Галина обняла лейтенанта, и, тихонько прошептав, - береги себя, - тут же поспешила в сторону хутора, где жила ее троюродная тетка. Через несколько мгновений Галя исчезла в темноте, «слившись» с деревьями, коих в родном Пирятине всегда было много.

Когда под утро Галина добралась до хутора, живот болел так нестерпимо, что она была вынуждена последние метры идти, согнувшись почти пополам. Выглянувшая на ее тихий стук тетка Матрена, сразу поняла: роды начинаются. Она не стала ни удивляться неожиданному появлению племянницы, ни расспрашивать, что произошло. Заведя Галину в избу, и, устроив ее на лавке, Матрена тут же метнулась за чистым бельем. Опыт приема родов у коров, у нее, конечно, был, а вот у людей еще не привелось, однако выхода другого не было. Матрена вскипятила воды, порвала на тряпки старую простыню и встала около Галины. Катюша, как истинная партизанка, появилась на свет быстро и без крика, но, получив шлепок по мягкому месту, тут же открыла беззубый рот, огласив избу громким воплем. Три дня провела молодая мать с дочкой на хуторе. Дальше оставаться здесь было опасно, меньше всего хотела Галя навлечь беду на теткин дом. Хоть она и троюродная, а все равно прознать про нее могут, кто-то же саму Галину выдал. Но куда податься с дочкой, она тоже не представляла. В конце концов, решили, что она пойдет искать партизан, а Матрена будет приглядывать за новорожденной.

Поцеловав на прощание Катюшку, Галя медленно двинулась по тропинке. Она не боялась заблудиться в хорошо знакомом лесу, сколько здесь с детства было тропок исхожено! Одно тревожило только, где найти «своих», ведь она встречалась с партизанами на «заветной» поляне, а где находится отряд, понятия не имела. Проблуждав полдня, уставшая и измученная Галина, опустила на землю и неожиданно заснула, прислонившись к дереву.

И тут ослабленный тревогами и родами организм сыграл с ней злую шутку. Она заснула так крепко, что не услышала, как немцы окружали поляну...

В этот раз с молодой женщиной церемониться не стали. Избив до полусмерти, кинули в ту самую сторожку, из которой она ушла в спасительную ночь несколько дней назад. Очнувшись на земляном полу, Галина отчаянно молилась, пусть ее убьют, лишь бы Катюшка выжила, лишь бы не прознали про Матренин хутор, лишь бы тетка вырастила девочку. Утром за ней пришли. С трудом поднявшись после вчерашних побоев, толкаемая в спину ненавистным Николой, Галина побрела в сторону комендатуры. Здесь, на заднем дворе обычно проходили расстрелы. Встав у выщербленной пулями и залитой кровью стены, она почему-то вспомнила Володю, представив его улыбающимся, в светлой рубашке с вышитым воротом, такого любимого и родного... Потом перед нею мелькнуло маленькое сморщенное личико Катюшки. Подавив подступающие слезы, она в упор посмотрела на ухмыляющегося Николу, который от ее взгляда сразу перестал улыбаться и суетливо отскочил в сторону.

Тишину апрельского утра нарушил свист автоматной очереди, а уже через несколько секунду вокруг Галины, вжавшейся в стену, свистели пули, рвались снаряды, раздавались крики раненных немцев. Застыв от ужаса, она смотрела, как медленно падал на землю, подкошенный автоматной очередью Никола. Спинай, нестерпимо горевшей от жутких побоев, она почувствовала, как зашаталось и начало рушиться здание комендатуры. Только одна стена, у которой все еще стояла Галя, оставалась неподвижной. Она та и защитила женщину от партизанских пуль и снарядов. Сбросив оцепенение, Галина, забыв о боли в избитом теле, бросилась бежать в сторону леса. Она не сразу поняла, что пуля, отрекошетив от стены, у которой несколько мгновений назад стояла молодая женщина, впилась ей в спину. Галя от резкой боли рухнула на землю. До спасительного леса оставалось несколько шагов...

Пришла в себя она уже в землянке. На скамейке у входа сидела незнакомая женщина. Услышав Галин стон, она тут же обернулась.

- Ну, что героиня, очнулась? Твоему Ангелу-хранителю позавидовать можно. Галя хотела возразить, что их не бывает, но, вспомнив, как сама несколько дней назад молилась, лежа на гнилой соломе в сторожке, промолчала.

Молодость – лучшая помощь выздоравливающему организму. Галя уже через неделю смогла ходить по всему лагерю и даже умудрилась помогать на кухне. Здесь она встретила Митю, он сумел-таки убежать во время того самого партизанского налета и уйти в отряд. А еще через неделю мать забрала с

хутора свою Катюшку. Степан, выдавший Галину за мешок муки, после гибели Николы поостерегся донести на Матрену, а немцам из-за налета было не до поисков партизанского дитя.

КОЛЕЧКО.

Маруся покрикивала на лошадь, шарахавшуюся от каждого грохота далекой канонады, заставляя ее двигаться дальше.

- Но, кому говорят, бестолковая! Но! До завтра что ли шагать будем?

Марусе было жутко страшно, вдруг какой шальной снаряд сюда залетит, но ехать надо, вот она и понукала, и покрикивала на родную Звездочку. Мамка с утра наказала:

- Давай, Манька, садись на телегу и дуй до мельницы. В доме муки ни крохи нет, что есть будем?

Маруся натянула любимое ситцевое платье в синий цветочек, надела отцовскую фуфайку, материны сапоги, повязала на голову белый платок и вывела со двора Звездочку. Ветер отовсюду наносил запах печеной картошки – в соседних селах, разбомбленных немецкими самолетами, горели избы, в подполах которых тлела картошка, заботливо приготовленная на зиму. Мать с Марусей загодя выкопали в огороде большую яму и сложили туда два мешка зерна – никто не знал, что их дальше ждет, запасы лишними не будут. Вчера в доме кончилась последняя мука, а ртов то много – мал мала меньше. Маруся была самая старшая из всей большой семьи, мелким и за мамку, и за няньку приходилась. Как только увидит, что мать опять с животом ходит, сразу в слезы – это ж ей нянчиться! Маруся и уроки с младшими «делала» - привяжет к ноге веревку от люльки, на печку заберется, книжку читает или в тетрадке пишет, а сама ногой качает. Попробуй не покачай, мать хворостиной отделает. Все подружки гулять идут, а Маруся с младшими возится. И ведь любила их, как мать родная, другая б возненавидела, а она нет, и покормит, и песню споет, и утешит, если беда у них какая детская приключится. Они ее тоже

любят, так бы и не отходили от старшей целый день, что Валька, что Нинка, что Зинка, что Сашко – самый маленький.

Вдоль дороги тянулись разбитые дома, срезанные березки валялись рядом, распластав по земле засыхающую листву, воронки от снарядов зияли, как беззубые кричащие рты. Марусе стало страшно. В ее родное Носково война еще не дошла, рядом собирала свою страшную жертву. Отец ушел добровольцем еще в июле. Как мать не плакала, как не голосила, собрал вещь-мешок и подался к военкомату. Маруся у околицы махала белым платочком, до тех пор, пока были видны носковские мужики, уходившие нестройными рядами по пыльной дороге. Дома она собралась было покричать, порыдать, как взрослая по отцу, только когда вернулась, увидела мелких, от голода плачущих, стянула с плеч платок, посеревший от июльской пыли и занялась привычным делом, покормить-помыть-утешить. Мать целыми днями в колхозе пропадала, продовольствие для фронта готовила, а Маруся по хозяйству суежилась.

Вот и сегодня кому как не ей на мельницу ехать было? Хоть и далеко и страшновато одной девчонке, всего то ей только-только четырнадцать исполнилось, да еще и ростиком она совсем не вышла, младшие ее уже перегнали, только выхода другого не было. Два дня в очереди ждала, такая у мельницы уйма телег скопилась, со всех ближних деревень народ собрался. А куда деваться? Пришлось ждать. Мать, правда, ее не бросила голодать, отпросилась у председателя, взяла колхозную лошадь, привезла своей старшей молока и картошки – все, что в доме было и тут же в обратный путь подалась. Как муку к следующему вечеру смололи, тут другая задача нарисовалась – как этот мешок на телегу взгромоздить? Ни ростом, ни силой Маруся не вышла. Но мир то не без добрых людей, две бабы незнакомые с соседних телег соскочили, так втроем и погрузили муку...

Через два месяца отец пропал. Нет, извещений никаких не приходило, просто письма писать перестал. Недельку нет, две, три... Клавдия в военкомат несколько раз ходила, там только руками разводили: в списках погибших, пропавших без вести, раненных – нет такого. Был человек и нету! Клава совсем извелась, на младших кричала, Марусю загоняла, есть-пить не могла. Бабы, с которыми каждый день на ферме с утра до вечера пропадала и те понять не могли, что такое, почему совсем на себя Клавдюшка не похожа стала. А, выпросив, научили ее, что сделать, как про Сашко-старшего узнать. В тот вечер домой Клава не шла, а летела. Вбежав в избу, и едва скинув платок и сапоги, скомандовала:

- Манька, полезай на печку и гляди. В два глаза гляди!

Маруся послушно полезла, не понимая, куда и зачем смотреть, но спрашивать у матери поостереглась.

Клавдия тем временем села за стол, поставила на него зеркало, прислонила к стакану с водой, потом сняла с пальца обручальное колечко, и положила так, чтобы видеть его отражение. Валька попыталась влезть матери на колени, но Клавдия так громко на нее шикнула, что мелкая кубарем откатилась в угол и обиженно устроилась на лавке. Нина, наблюдавшая красноречивую картинку, к столу подходить не стала, а тихонько подсев к сестре, с недоумением поглядывала на мать. Вера с Сашко-младшим уже давно сопели на печке.

- Гляди, Маня, гляди со вниманием, прямо на зеркало гляди в то место, где кольцо мое видать. Что разглядишь, скажешь.

Маруся, хоть и не понимала, к чему мать все это затеяла, во все глаза принялась вглядываться в отражение. Потянулись молчаливые минуты, нарушаемые лишь тихим похрапыванием младших сестер, задремавших на лавке в углу. Но, как не старалась, Маруся, ничего она в зеркале не увидела. Немного подождав, мать требовательно спросила:

- Ну? Мань, чего молчишь? Чего видишь то? Говори, не тяни душу.

- Ничего не вижу...

- Да как так то? Бабы сказывали – верный способ! Ты, може, не туда глядишь то?

- Туда...

- Гляди, гляди, шибче гляди! Хозяина нашего видать должно...

Марусе очень хотелось узнать, что случилось с отцом, и она снова начала напряженно всматриваться в то место, где отражалось материнское колечко. Через несколько томительных минут, она вдруг ясно увидела какую-то непонятную фигуру в большом тулупе, с винтовкой за плечами, потом этот человек начал «расти» и Мария отчетливо рассмотрела лицо отца в какой-то непривычной островерхой шапке. Он что-то кому-то говорил, но слов не было слышно, девочка попыталась прочесть по губам, но не смогла и закричала, что есть мочи:

- Папка, папка!

Видение исчезло. От неожиданного крика проснулись младшие, Сашка заплакал, Валька с Ниночкой подскочили на лавке и, хлопая осоловевшими глазами, силились понять, что произошло. Мать подбежала к печке.

- Видала? Что видала то? Ну?

Маруся, подхватив на руки самого маленького, торопливо рассказывала

Клавдии, нетерпеливо переминающейся у печи:

- Жив, тятка, жив. Он с винтовкой стоит, в тулупе, точь, как евойный, что у нас в сенях висит, а на голове шапка треугольная.

- Какая шапка? – не поняла мать.

- Ну, такая, - и она подняла руки над головой, сложив их домиком.

- Не раненный? Не в крови?

- Не! Стоит с винтовкой, живехонький!

После этого вечера, Клавдия немного успокоилась, перестала выть по мужу, как по мертвому. Марусю закрутил ворох дел, и она постепенно забыла о гадании. Утром по хозяйству оставалась, днем бежала в поле, а ночью, когда бабы уходили по домам, ребятня, впрягшись вместо лошади в жернов, мололи муку или вручную веяли овес, очищая его от мякины. Когда спали, когда ели – да Бог знает.

Весной сорок пятого от отца «долетела» до родного Носкова весточка, а еще через пару недель, пришло письмо из госпиталя, что он тяжело ранен под Кенигсбергом.

Летом Маруся поехала забирать отца с поезда. Ради героя-фронтовика, у которого взрывом оторвало ногу, председатель дал свою лошадь. Пока тряслись в старой телеге, Маруся не удержалась и, спросила, где он столько военных лет был, пока не попал в бой под старинный город Кенигсберг.

- На границе, дочка, был, на китайской. Охранял.

- Тять, а на голове у тебя что было?

Отец подивился странному вопросу.

- Шапка, буденовкой называется. Такие в гражданскую носили. А чего ты вдруг спросила про шапку то?

Маруся, улыбнулась и, немного помолчав, принялась рассказывать отцу про младших, которые его, поди, сейчас и не вспомнят...

ГЛУБОЧИЦА.

На улице послышались грубые окрики полицаев, отрывистая немецкая речь и лай собак. Фаина, отодвинув занавеску, выглянула в окно.

- Мам, гляди-ка, немцы по всем избам шарят, всех их домов гонят. Даже деда Митрича вытолкали на улицу.

Дед Митрич, самый старей в их селе, ноги лишился еще в гражданскую, с тех пор ковылял на двух костылях, «прыгачил», как говорила веселая хохотушка Райка. Впрочем, она это делала не со злостью, по молодости чего только не ляпнешь, никто же не думает, что словами обидеть может. А Райка вообще на язык всегда скорая да острая, только сейчас она шла вместе со всеми, выгнанными из своих домов, побледневшая и как будто резко посерьезневшая.

- Мам, а куда это их всех? – не унималась Фая, придерживая перед лицом занавеску и осторожно выглядывая в маленькую щелку между тканью и простенком. Окна в избе были большие, их еще Фаинин дед вставлял, хороший стекольщик был, все село к нему ходило, считай, каждый доме его окнами на улицу смотрел.

- Уйди, уйди, от греха! Не высовывайся, авось мимо пройдут, - Дарья беспокойно заметалась по избе, а потом резко, остановившись, откинула крышку подпола.

- Полезай! – скомандовала она дочери.

- Зачем? Не хочу! – отшатнулась та, - я не буду больше в окошко глядеть. Не хочу в подпол, там темно.

- Лезь, лезь скорей! И нос не высовывай, чтоб не случилось. Меня заберут, ночью выберешься, и в лес ступай, там партизан найдешь.

- Куда заберут? – побледнела Фаина и бросилась к матери.

- Чует мое сердце, не к добру все это, наши-то им третьего дня дали жару, вон как поезд-то ихний пылал. Вот они, поди, и озверели. Давай, лезь! Хоть ты живой будешь.

- Мама, мамочка, я с тобой хочу, - Фаина заплакала и прижалась к матери, - полезли вместе, нас не найдут.

- Найдут, милая, найдут. Увидят, что дома никого нет, искать начнут. Лезь, лезь, милая, скорей, ночью убегнешь.

- Я не хочу без тебя, мамочка, - Фаина отчаянно мотала головой, еще крепче обнимая мать.

В это время громко скрипнула калитка, Дарья изо всех сил толкала дочь в подпол, одновременно сиюсь убраться руки Фаины, намертво вцепившиеся в материну кофту.

- Скорей, ну, скорей же!

В сенях загрохотали сапоги, мать уронила крышку подпола и попыталась загородить собой дочку. Ввалившиеся в избу немецкие солдаты, показывая на двор, громко скомандовали:

- Вон! Выход! Матка, вон! Шнеллер, шнеллер!

Рыжеволосый великан, схватив за руку онемевшую Дарью, вытолкнул ее в дверь. Второй солдат выволок упирающуюся Фаину и пинком спустил ее по ступенькам. Дарья охнула, бросилась к упавшей дочери, сгребла ее в охапку, и, поставив на землю, прижала к себе.

- Шнеллер, шнеллер! – рыжий детина замахнулся прикладом, Дарья, закрыв собой дочь, повела ее мелкими шажками со двора. По всей улице, подгоняемые окриками и толкаемые в спину прикладами, почти бежали сельчане. Сзади ковыляла бабка Нюра, громко стучавшая клюкой, изо всех сил старавшаяся поспеть за всеми.

Людской поток стремительно приближался к колхозному амбару, стоявшему почти на окраине Глубочицы, рядом с большим и таким плодовитым лесом. Сколько в нем всегда черники урождалось, на все село хватало! Еще и гостям из Себежа оставалось – если к кому родные из райцентра приезжали, сразу в лес – за «добычей» шли. Тут тебе и черника, и малина, и грибы. А озера какие! Глубокие, прохладные, вода в них голубая-голубая, прозрачная, кинешь

иголку и смотришь, как она вниз опускается... А на дне камушки, каждый видеть. Красота в этих местах необыкновенная, нигде такой нет.

У открытых дверей амбара стояло четверо солдат. Тех, кто упирался, они, заталкивали внутрь, били прикладами по головам, спинам, рукам. Били без разбора и малышей, и стариков. Бабку Нюру пихнули так, что она упала прямо на оказавшуюся перед нею Дарью, и они обе рухнули вниз, не успев войти в дверь. Солдаты, схватив обеих женщин, небрежно поставили их на землю и грубо втолкнули внутрь.

В амбаре было все село. Дети плакали, женщины молились, Митрич переминался на своих костылях, вздыхая и что-то тихо бормоча под нос. Бабка Нюра беспокойно оглядывалась кругом, сама себе задавая бесконечные вопросы без ответов.

- Родненькие, нас зачем сюда всех то? В Ерманию ихню забирать будут? А я то как же? Я куда ж с клюкой то свойской? А? Родненькие?

Дарья обнимала дрожащую дочь, слезы капали на старую застиранную кофту, а она, не замечая их, гладила Фаю по худой спине, приговаривая шепотом:

- Что ж я, дура, тебя не спрятала? Что ж я наделала, проклятушая? Что ж теперя будет –то? Что ж эти злыдни задумали?

Женщина рядом вдруг зашлась в крике.

- Убьют! Убьют всех! Гореть все будем! Гореть! И дитяти! Все!

Митрич, неловко повернувшись на своих костылях, закричал высоким старческим голосом, пытаясь перекрыть начавшийся со всех сторон вой:

- Цыц! Чего голосишь, дура?! А вы чего закудахтали? Одна несет невесть что, а вы выть вздумали?!

- А зачем нас сюда всех то? – не унималась баба с растрепанными волосами, - Зачем? Соседей то наших сожгли! Дааа, сожгли! Всех! Сама слыхала. Теперя нас жечь будут! За партизан. Господи! Я жить хочу, жииниитть.

Рядом опять заголосили. Стоящие у выхода, начали отчаянно колотить в дверь.

- Дитев! Дитев выпустите, изверги! Дитев пожалейте!

Из-за запертой двери слышались лающие окрики, в деревянные стрехи под самой крышей начали впиваться пули. Народ отхлынул вглубь амбара, началась давка, дети закричали, женщины забились в рыданиях. Бабка Нюра, потрясая клюкой, тоненько взвизгивала:

- Проклятые, ироды! Чтоб дитев ваших холера забрала! Чтоб вас всех лихоманка свалила, чтоб обезножили все!

Митрич пытался уговорить народ, но его никто не слушал. Агония страха

захватила разум, женщины пытались протолкнуть вглубь своих детей, отталкивая чужих, вспыхнули драки. Били друг друга с остервенением, словно вымещая на других ужас предстоящей смерти.

Неожиданно из самой сердцевины людской толпы раздалось: «Расцветали яблони и груши». Райка в каком-то безумии полу кричала, полу выла хорошо знакомую песню. Все замолчали. В резко наступившей тишине явственнее стали слышны звуки с улицы. Раздалось ворчание моторов, один за другим заводились и куда-то уезжали мотоциклы, голоса немцев становились все тише. Наконец, наступила странная и от того страшная тишина. В амбаре молчали, даже дети перестали плакать. Одна Райка сорванным голосом попыталась завести последний куплет, но на нее так зашикали, что и она перестала петь и стояла, переводя удивленный взгляд с одного лица на другое, пока ее глаза не приобрели былую осмысленность.

- Изверги убежали куда-то, - первой нарушила молчание Рая.

- Послышать надо, может того, бензин льют? – спросил прошедший гражданскую, Митрич.

Стоявшие у дверей, прильнули к стене, напряженно вслушиваясь в каждый шорох с «воли».

- Не слышать вроде... - нерешительно протянула Дарья.

Баба с растрепанными волосами недовольно шикнула:

- Вроде? Или не слышать?

- Не слышать...Вроде... - так же нерешительно проговорила Дарья.

Баба, оттолкнув ее, сама приникла к двери. Снаружи амбара было так тихо, что, казалось, будто слышно, как плещется вода в Белом озере.

- Супостатов рядом нету, - наконец, сделала она заключение, и отошла от двери, растерянно поглядывая на сельчан. Все потрясенно молчали, не понимая, что это может означать. Неожиданно заскрежетал замок и дверь открылась. Все отшатнулись, баба со спутанными волосами, чуть не упала на стоящую рядом Дарью. В проеме двери появился пожилой немецкий солдат, который обычно сидел во дворе дома, где жил Митрич, и выводил на губной гармошке грустную протяжную мелодию. Частенько он, стараясь не попадаться на глаза своим товарищам, украдкой совал пробежавшим мимо детишкам то кусок хлеба, то банку консервов, то печенюшку.

- Вы идти на воля. Меня связать. У мене киндер, трое. Я не хотеть убивать дети. Идти. Все идти. Шнеллер, бистро, бистро уходить.

Он протянул вперед руки, показывая, как их надо связать. В амбаре не шевелились, таким нереальным показалось спасение, что никто не мог в него

поверить.

- Они уехать, ждать. Гауптман ждать. Вы бежать, быстро бежать.

Первым вышел из оцепенения Митрич.

- Бабы, выходим, быстро, порядком выходим, не давим дружку, выходим, а ну, шнель! – скомандовал старик и все, словно очнувшись от этих слов, подхватили детей и поспешили к выходу. На этот раз не было никаких драк, наоборот, бездетные женщины брали на руки чужих малышей. Две покрепче взяли под руки бабку Нюру и почти бегом понесли ее на улицу. Дарья дрожащими руками взяла руки немца, рядом прыгала Фая, подгоняя мать. Солдат кивнул головой, Дарья, таща за руку дочь, побежала догонять сельчан, уже почти достигших опушки. У самого леса она последний раз оглянулась на родное село, такое красивое этим летним утром. У открытых дверей амбара, на земле сидел связанный немец. Слово почувствовав на себе ее взгляд, он поднял голову и кивнул, хотя вряд ли уже мог кого-то разглядеть. Фая дернула мать за край кофты и, больше не оглядываясь, они устремились вглубь леса.

ПИСЬМО ДЕДУ...

«Здравствуй, дед»... Сколько раз я представляла, как могла бы написать тебе письмо и что начала бы его так – коротко и просто: «Здравствуй, дед». Такой же простой и короткой была и твоя жизнь... Знаешь, как-то даже странно писать «дед» тому, кого я сама старше на добрых пятнадцать лет... Да и писать письмо тоже, наверное, странно, когда знаешь, что адресат его не получит. Но очень хочется. И с каждым годом это желание не проходит, оно становится только сильнее. Одним словом: «Здравствуй, дед!»

Представляешь, а Надюша все твои пятнадцать писем сохранила. На желтой тонкой бумаге, протершиеся на сгибе до дыр, с плохо кое-где видимыми чернилами, она их все наизусть выучила. Жалела, что так мало было – поздно вы весточки друг о друге получили, поздно писать друг другу начали, когда война уже на перелом пошла, и громили немцев по всем фронтам.

В самом первом своем «треугольнике» (жена твоя, кстати, всю жизнь их складывать могла), ты написал: «Что дети живы отношу это твоей материнской любви»... Эх, дед, не знал ты – какой силы была эта любовь, и

что ей стоило дочерей твоих сберечь. Не писала она тебе об этом, потому как жаловаться не привыкла, а, может, считала – так оно все и должно быть и не герой она вовсе. А я все-таки напишу – как выжила тогда моя «бабца»... Ничего, что я ее так называю? Тебе трудно представить, но твою жену, младше тебя на пять лет, я только седой помню и старенькой, а потом – совсем старенькой. Девяносто пять все-таки было... Гордились мы нашей «бабцой», не меньше чем тобой – дедом-героем. Правда, гордость эта не сразу пришла – в детстве то мы думали – герои – это те, кто под танк с гранатой или как ты – на пулемет, а бабушка и не партизанила даже. Кстати, о том, что в оккупации была мы не так давно узнали – не жаловали раньше тех, кто на земле, немцами занятой оказался, пусть и не своей воле.

Тебя забрали в первый день войны. Вернее, ты сам, после истошного крика соседки: «Война! Война, миленькие! Что ж теперь будет?!» сказал спокойно и даже как-то буднично: «Надюш, собери вещмешок». И ушел, чтобы, как было сказано в твоей военной книжке: «Явиться на призывной пункт в первый день объявления военных действий». И ты явился. Как повелось веками, постоял на пороге, подкинул под потолок Светланку, поцеловал «Белый Грибок» по имени Аллочка в вихрастую макушку, жену обнял, матери поклонился и ушел...

В военкомате спросили – умеешь ли в седле сидеть? Кивнул утвердительно, как же иначе – чтоб такой «шебутной» и не мог?! Вот и направили на два месяца в Лиски в учебный полк, премудрость кавалерийскую постигать. Полк, куда тебя определили на «учебку», стоял совсем рядом и тебе через пару-тройку недель удалось на часик заехать к своим. Твоя старшенькая, которой тогда еще даже трех лет от роду, не исполнилось, хорошо запомнила, как ты лошадь привязал у крыльца и в дом пошел, а она возьми и отвяжись. У твоей дочери всю жизнь перед глазами так и стоит картинка – улица, июльским солнцем залитая, на ней по своим делам люди снуют, а посередине дети малые играют – возрастом, как сама Светланка, ну, может чуть младше или чуть старше, а прямо на них лошадь несется – звуков громких испугалась. Они понять толком не могут – какая беда на них надвигается, как стояли посреди улицы – так и стоят. Лошадь все ближе, стало быть и опасность ближе, тут те, кто мимо шел – замерли - от ужаса... Но не таков ты был, чтобы детям пропасть дать. Любил их сильно – и своих, и чужих – всех детей. Когда из дома на работу уходил у Светланки всегда спрашивал: «Чего принести?» И заказ ее «колбаски и ситро» всегда выполнял. А на Новый год сам игрушки мастерил и Деда Мороза из папье-маше сделал красивооооо... Разве ж мог

такой человек, как ты от опасности детей не убережешь? В окно выглянул – проверить все ли в порядке, «картинку» не маслом, а жизнью написанную, увидел, в секунду через подоконник перемахнул, в несколько огромных прыжков догнал свою Звездочку и на холке повис. Остановилась она, только бока раздуваются, да ушами прядет – от гонки отходит... Смелый – мало сказать - отчаянный ты был! В детстве «на кулачках» драться ходил, хоть и пытались тебя за пианино усадить... Нет, играть ты на нем, конечно, научился, только не больно жаждал. А вот кулачные бои – это «твое» было. Когда сестра младшая Нина в пору «жениховства» вошла – мало, кто рисковал к ней подойти. Один на танцах нашелся – ангажировать решил, она отказалась со смехом: «Ты ж вон какая каланча, как мы танцевать то будем? Разве что на руки возьмешь, так и завальсируем?». Парень тот, не местный, потому не знал, с кем дело имеет. Он отомстить «пигалице» пригрозился, только товарищи поумнее быстрее его на грешную землю «спустили»: «Ты хоть знаешь – ЧЬЯ она сестра?! Сашки Ширкина! Не, мы с ним ссориться не будем». Тот не понимает, а дружки то пальцем у виска кавалеру неугомонному покрутили и ретировались от проблем. Ну и он, глядя на них, смекнул, что лучше не испытывать судьбу, сам тоже «огородами, огородами» и подальше от танцплощадки. Ведь здоровый парень был, тебя повыше и плечи пошире, а испугался даже не видя, одних слов уважительно-боязливых хватило. Нападать, конечно, ты ни на кого не нападал, но за своих постоять умел... Через месяц после побывки домашней вас на фронт отправили. В тот день кто-то твоей Надюшке сказал, что эшелон с кавалеристами на станции стоит, отправления ждет. Как же она бежала!.. Никогда в жизни так не бегала. Вообще Надя с детства спортивная была, в детдоме на верху «пирамиды» стояла – еще бы «соломинка», как ее все называли – она ж за пару секунд и на самой верхотуре уже. Не обидел ее Бог быстротой и выносливостью, а все ж не успела... Подбегает к станции, а перед ней, вагоны «проплывают» ... как в кино... Сначала медленно, потом все быстрее, быстрее, быстрее, а она бежит рядом и в лица вглядывается – вагоны то открытые, в них лошади, а рядом – бойцы стоят. И чудится ей, что увидела она тебя, хоть и на секундочку, хоть и на один вздох, а разглядела. Вроде ты даже крикнул ей: «Я вернусь, детей береги»... Не знаю, да и она сама не знала точно - видела? Или только показалось?.. Хотя, наверное, это уже не важно, главное то мгновение – вымышленное или наяву бывшее – ей душу согревало, когда совсем сил жить не было...

Поезд ушел в военную даль, оставив после себя черный дым, рвущийся в

небо и протяжный плач тех, кто на перроне остался. Надюша опустилась на землю и на желтое в горох платье покатались слезы, смешанные с вокзальной пылью...

Надя, как ты на фронт отбыл в госпиталь работать пошла. Сколько она бинтов перестирала – ужас, даже кожа на руках слезала. А уж чего там только ни насмотрелась... Особенно часто вспоминала летчика... Он за простынкой лежал, отдельно от всех – полностью раздетый, его ничем нельзя прикрывать было. Летчик весь обгорел, ни одной клеточки здоровой – одна сплошная рана, а, представляешь, молча лежал, не стонал даже! Как его только врачи с сестричками не выхаживали, но все равно не спасли...

Еще лейтенантика молоденького помнила, тот все метался и кричал: «Пристрелите меня, пристрелите», – видать, терпеть боль сил не было. Ранения всякие попадались. Самые «такие» Надю отправляли обрабатывать, как женщину замужнюю. Не девчонок же посылать, когда у бойца ранение мягкого места имеется?! Он, бедолага, когда под артобстрел попал, на животе лежал, оттого ранение у него такое «интересное» получилось – все сидячее место как траншеями изрыто. Раны эти прочищать надо было, чтоб не гноились. Вот Надя бинты, растворами пропитанные, через них и протаскивала.

Закроет детей малых дома и в госпиталь, а что делать? Садики уже не работали, хорошо, когда мама твоя на работу не ходила – окопы рыть, тогда она с внучками оставалась. Вот раз возвращается Надя домой, а на подоконнике Светланка скачет и кричит в форточку, весело так, громко, радостно: «А нас бомбили!» Дети – они же маленькие, глупенькие – не понимали, что бомбы настоящие и убить могут... Как ту девушку в белом платье. Всю жизнь потом Надя белый цвет не любила – перед глазами трамвай разбомбленный «вставал» и рядом девушка молодая, красивая, на земле лежит. Платье белое задралось, а вместо ног – пустота...

Бомбили часто. Когда снаряд в городской холодильник попал, все ринулись мясо по домам разобрать – с продуктами уже «напряженка» была. Надя с сестрой твоей, Ниной, вместе со всеми побежали. Схватили на радостях две туши, а по дороге одну бросить пришлось – тяжелые они были, да еще замороженные – разве долго пронесешь?! На той дороге потом много туш коровьих валялось. А через несколько дней бомба в кондитерскую фабрику попала – опять все за продуктами побежали. Надя с Ниночкой, как все за патокой поспешили. Чуть не погибла тогда твоя сестра – на передние ряды стали задние напирать, она равновесие не удержала и в бочку с патокой с

головой нырнула. Из бочки Надя ее спасла, а волосы обрезать пришлось – ничем не отмывались – торчали во все стороны, как деревянные. Артобстрелы в это время шли почти непрерывно. Как выдавалась минутка затишья Надя с Ниной сразу на речку бежали – за водой. Однажды только набрали воды – стрельба началась. Они на землю упали, а ведра перед собой поставили. Молодые были, глупые – разве ж спасли бы их ведра те от пули или осколка шального?... В один из таких походов за водой, Надя в реке бойца нашего увидела... Мертвого... Шинель распласталась и на воде его держала, и плыл он вниз лицом по красивейшей реке Дон, неведомый защитник страны...

А потом пришли немцы... Они заходили в дома и выразительно показывали на входную дверь: «Матка, фьють-фьють!». Надюша, хоть и побледнела, но стойко держалась, а прабабушка Катя, мама твоя, как стояла, так на диван замертво и повалилась. Хорошо, немец не злой попался, добивать не стал, подождал, когда она в себя придет и все из дома выйдут. Ночью в чужой избе, куда набилось много народу переночевать перед дорогой, Надя заснуть не могла – лежала и думала: «Ничегошеньки с собой не взяли! Как же теперь совсем без всего?» Сон не шел. После полуночи она встала тихонько, чтоб никого не разбудить, выскользнула на темную улицу и, крадучись и поминутно озираясь по сторонам, стала пробираться к своему дому. Чуть-чуть, чтобы не дай Бог, не скрипнула, приоткрыла калитку и шмыгнула в избу. На ощупь, в крошечной тьме, она нашла детское одеяло, свое зимнее пальто, маленькую кастрюльку, пару чашек и каравай хлеба. Все это она быстро сунула в рюкзак и также незаметно, стараясь слиться с окружающими деревьями, пробралась обратно. Жителей сразу предупредили – кого в своих домах увидят – на воротах повесят... Страшно она рисковала тогда, а что было делать? Так хоть что-то удалось взять в долгую дорогу.

Утром всех погнали на станцию огромной колонной. Стояла одуряющая августовская жара. Надя шла в зимнем пальто – чтоб не потерять его в суматохе, иначе, нечем будет потом детей укрывать, за спиной рюкзак, на руках – Белый грибок, за подол Светланка держится. В какой-то момент Наде показалось, что она сейчас упадет и больше не сможет подняться. Одна мысль только держала ее на ногах – дети без нее пропадут, а она – бывшая детдомовка, все детство мечтавшая о семье, никак не могла этого допустить. Пот лился градом, застилая глаза, руки тряслись от тяжести младшей дочери. Светланка, из-за дикой жары постоянно просившая пить, плакала, потому что ей воды не давали. Жалко ее было нестерпимо, а что сделаешь? Воды было мало, ее экономили, но как это втолковать ребенку, которому трех лет от

роду не исполнилось?..

Внезапно рядом с Надей остановилась немецкая машина. Шофер открыл дверь и поманил их рукой: «Садитесь». Первая мысль – отказаться? Могут расстрелять... Сесть? А куда повезут? Скорей всего, тоже на смерть, а вдруг нет, тогда куда? Неизвестность угнетала, казалось – и так, и этак - плохо, но маленький, слабенький росток надежды «а вдруг все обойдется» все-таки вырос в ее измученной душе. Не зря же ее Надей назвали. Она залезла в машину, втащив детей. По толпе пронесся вздох: «Куда Надю повезли?» «Если что... только бы сразу и всех... Они без меня не выживут», - глядя выгоревшие белые головки, думала молодая мать. Немецкий офицер, полуобернувшись к заднему сидению, спросил у девчонок через шофера-переводчика: «А где же ваш папа?». Твоя старшенькая, любительница колбаски и ситро, гордо заявив: «Фашистов бьет!», провалилась от усталости и жары в тяжелый сон. «Все... Теперь точно не пожалеют... Только б не мучили», - судорожно сглотнула Надя, боясь повернуть голову в сторону немца. Но тот неожиданно засмеялся и отвернулся к окну. То ли шофер что-то не так перевел, то ли не все немцы зверями были, по крайней мере, в начале войны, то ли кто из девчонок ему своих детей напомнил, не знаю. А, может, мама Надюшкина, покойная, дочь свою любимую, так рано оставленную в сиротстве, как Ангел-хранитель оберегала... Как бы то ни было, но не убили их, а подвезли почти до моста. Пока в машине ехали, Надя с детьми отдохнули, и немного сил набрались, чтоб дорогу оставшуюся выдержать. Высадили их так же неожиданно, как и посадили – немцам в сторону сворачивать надо было. Шофер помог детям из машины выбраться и тут же «газанул». Опять они в колонну влились, дальше со всеми пошли. Дорога мимо «Орловки» проходила, где больных держали, которые, как тогда говорили «умом повредились». Обитатели этого скорбного дома приникли к окнам, радуясь неожиданному развлечению – огромной массе разных людей. Они улыбались, махали руками, кричали что-то неразборчиво-веселое. Особенно запомнилась шедшим одна девушка. Она ходила взад-вперед у открытого окна и громко скандировала: «Дуня я, Дуня я, Дуня ягодка моя». Она была единственная, кто не обращал на идущих ни малейшего внимания. Людская толпа текла и текла мимо, а она все так ж вышагивала по палате, монотонно выкрикивая песенку про Дуню... После войны Надя узнала, что обитателей «сумашедшего» дома немцы расстреляли...

На станции всех, выгнанных из родных домов людей, погрузили в «свинячие» вагоны. Набили столько, что можно было только сидеть, это еще если повезет

и займешь хоть какое-то местечко на полу, про «полежать» речи, конечно, не было... В дороге заболела и умерла твоя племянница Клавдюшка, то ли от жары, то ли от воды грязной... Правда, злые языки шептались, что Нина дочку мясом жаренным накормила – ну, тем, которое они из разбомбленного холодильника в четыре руки тащили, мол, пожадничала, только свою накормила, объелась она, поди, вот и померла. Люди всякое болтать могут... На самом то деле, никто не знал – отчего и почему. На очередной остановке, на полянке, где земля рыхлая попалась, Нина с Надей руками могилку выкопали... Вот в ней и нашла последний приют Клава...

Жара страшная стояла, когда везли их на Украину, туда, где немец всюю хозяйничал. Ехали несколько суток. Пили из луж на стоянках – платки положат на воду, чтобы муть внизу оставалась, и пьют. Однажды поезд у реки остановился, все кубарем на берег скатились – лицо и руки ополоснуть. А к воде подойти так и не смогли – берег вшами кишел! Надя такое первый и последний раз в жизни видела – чтобы весь песок был черными шевелящимися точками усыпан! После той остановки бабушку одну старенькую с поезда ссадили – успела, видать, она эту заразу подцепить – на ней столько этих насекомых было – аж брови двигались, как живые...

Когда их на Украину привезли – кого довели, конечно, в село с жутковатым названием Погребищи поселили. Чтобы как то выжить, Надя с мамой Катей шить стали – кому рубахи, кому юбки, бывало и брюки, и платья, и пальто заказывали. Скоро по селу слух пошел – «золотые руки» у портнихи Катерины. Однажды даже немецкий офицер им шинель принес перешивать – не по размеру она ему оказалась – большая слишком. Как они тряслись, когда заказ отдавали – вдруг не понравится – всю семью расстреляют. Но офицер тот очень довольным остался. Хоть денег не заплатил, зато все живы остались, и то, слава Богу! Кусок ткани, который у них остался после переделки, потом на хорошее дело пошел – сшила бабушка после освобождения девчонкам пальто, одно на двоих, зато теплое и сносу ему не было.

Чтобы Нину не угнали в Германию – тогда матерей с детьми маленькими не отправляли, твою старшенькую за ее дочь выдали. Она Светланке крестной приходилась, та ее привыкла «мама Нина» звать – очень это пригодилось. Устроилась Нина на «каптахе» работать – птицефабрике по-нашему. Им там яйца разбитые иногда выносить можно было. Так они и жили: шьем, да кое-какими продуктами с «каптаха», еще и землячков угощать умудрялись. На масленицу напекли две сковородки блинов, а Надя с бабой Маней ни одного так и не попробовали – пока последние дожаривали – остальных уже не

осталось.

Больше всего Надю в Погребищах удивило, что не столько немцы, сколько полицаи лютовали – на всех срывались, даже животных не жалели. У Надюши собачка была маленькая, беленькая, Мухой звали. Однажды полицаи к ним в палисадник зашел, она его облаяла – понятное дело, собака же. А он винтовку вскинул и выстрелил в животинку. Как она, бедная, заскулила, закрутилась вокруг себя – до шеи раненной достать пыталась! Когда изверг ушел – Муху в дом унесли, перевязали. Долго она страдала, скулила, повязку зубами стащить пыталась. Выходили ее хозяева. Вы же с женой, как на подбор попались – добрые, душевные, всех жалели. Помнишь, как сам беспризорных в дом приводил? Надя для порядка повозмущается: «Саш, зачем? Вдруг украдут чего?» А ты улыбнешься своей знаменитой на всю Гусиновку улыбкой, жену обнимешь: «Надюш, брать у нас нечего, а их накормить надо», она вздохнет тихонько – а ведь прав муж и на стол накроет. И, правда, ничего никогда не украли у вас и беды никакой не наделали те обитатели котлов асфальтовых.

В партизаны Надя не подалась – за семью опасалась, а продукты нет-нет да и передавала лесным бойцам на опушке, у края поля, рассказывала – кто где из немцев живет, где комендатура находится. Риск большой был – на предателе ведь не написано – что он предатель, нарваться на такого запросто можно было. У них в соседях муж-украинец жену-еврейку три года прятал, про то многие знали, да молчали, а все же нашлась подлая душонка – выдала, ее не задолго до прихода наших расстреляли. Как летом и отца с сыном – связников партизанских. Лежали они оба русоголовые, в одинаковых вышитых рубашках...

Освобождали Погребищи под самый Новый, сорок четвертый, год. Весь день канонада стояла, крики, стрельба, а когда все стихло, самая нетерпеливая – Нина - на улицу выбралась. Все остальные у двери вслушивались – какая речь на улице – немецкая или русская – уж больно неразборчиво говорили. Через несколько минут Нина вбежала – счастливая, радостная! С порога закричала: «Матом ругаются! Наши!» Тут все давай обниматься и на стол – накрывать – все, что было съестного - выставили и дверь в избу приоткрыли. По улице шли солдаты под проливным дождем – такой вот новый год тогда был - «не зимний». С полушубков и висящих на веревочках рукавиц стекали потоки воды, валенки размокли, а они шли и шли гнать на Запад проклятого врага. Иногда несколько бойцов отделялись от строя, забегали в открытые избы, остограмливались, на ходу хватали щепотку капустки или картофелину и

бежали дальше – догонять своих. Следом другие - так Новый год и встретили...

Пасха в сорок четвертом ранняя была – апрельская. Накануне Надя решила хату побелить – выскочила на улицу разгоряченная воду вылить, тут ее ветром и прохватило – много ли надо было организму, измученному войной, недоеданием и вечным страхом за детей? Началось воспаление легких. Кашель был такой, что, когда дочки подходили к кровати и брались ручками за грядущку, боль сотрясала все тело. Надя стонала: «Не надо, не трогайте». Никакие лекарства не помогали, все хуже и хуже Надежде становилось. Мама твоя плакала, девчонки, чувствуя, что на их маленькие головки готова обрушиться непоправимая беда, ходили по дому на цыпочках, разговаривали в пол голоса и все время смотрели, вытягивая тощие шейки на кровать, где лежала заходящаяся в страшных приступах кашля Надежда. Представляешь, и на этот раз Бог ее спас. Ангел-хранитель явился в образе женщины-врача из стоявшей в селе части Красной Армии. Зашла она подшить халат медицинский и случайно именно во время болезни попала, только ведь случайностей в жизни не бывает, я это точно знаю. Как услышала она кашель, взглянула на белое, почти прозрачное лицо молодой женщины, раскинувшейся в беспомощности на кровати, сразу поняла все серьезность положения. Она быстро вышла, так и не успев сказать – зачем приходила к портнихе Катерине, но, тут же вернулась, неся в руках ампулы. Если б не военврач – где бы антибиотики нашли в то время?! Только они и помогли – болезнь отступила. Об этом Надя тебе, конечно, не писала – не такая она была, чтоб тебя, бьющего в пекле передовой немецкого зверя, огорчать...

Через месяц после освобождения Погребищ стали приходить от тебя письма. Когда Надя первый треугольник получила – глазам поверить не могла! «Жив, жив, жив!» – это слово стучало в голове веселой морзянкой, пело в душе весенней каплей. Домой она не шла, а летела – торопилась с радостной вестью. Два с лишним года ни одной строчки, ни одной весточки, уж и не чаяли узнать друг о друге, что живы. Да и как могли до оккупированных земель письма с фронтов доходить? Когда после госпиталя ты короткий отпуск получил, сразу домой поехал, а там одни обгорелые руины... Всю родню ты тогда дальнюю обошел, всех знакомых спрашивал: «Где мои, не слышали? Что с Надей? Мать жива? А дети?» Кто-то неуверенно сказал, что вроде на Украину их увезли – а дальше что с ними случилось, об этом уже никто сказать не мог. Тогда больше полагаясь на страстное желание увидеть семью живой, чем на твердую веру, что они на самом деле не погибли, ты

оставил маленькую фронтовую фотокарточку с надписью на обороте: «Покажите своей маме своего папку» и адрес полевой почты. Непонятно каким чудом, через какие сложные оказии, через какое долгое время, но адрес до Надюши дошел! И «полетели» треугольники с фронта на Украину и обратно. А ведь находились вы тогда всего-то в двустах километрах друг от друга, только для войны это все равно, что на разных полюсах земли – не дойдешь, не доедешь. Да и кто с передовой своих «навещать» пойдет?! В письме от четырнадцатого июля ты написал, что скоро в наступление и, если все пройдет удачно, приедешь в отпуск...

В начале августа к Наде вернулась ее открытка, в уголке было написано одно короткое слово. Как ни старалась, никак его разобрать не могла, и к кому не обращалась помочь прочитать, все твердили: «Не разборчиво. Не прочтешь». В один из холодных августовских вечеров решила она печку открыткой этой растопить, поднесла спичку, и вдруг сразу прочитала слово то, в уголке написанное: «Убит». Никому она тогда о своем открытии не сказала, а через несколько дней Надю в военкомат местный вызвали. Сердце до последнего верить не хотело, но когда казенный конверт вручили, сразу все внутри оборвалось. Как домой дошла – не помнила. Как сестрам твоим про «похоронку» сказала, тоже не помнила. В память только одно врезалось, как услышав во дворе голос твоей мамы Кати, они вниз, со второго этажа сиганули, чтобы мать по заплаканным лицам не догадалась, что беда смертная в дом пришла. Внизу бочки с водой стояли – для нужд лаборатории, что на первом этаже располагалась, приготовленные. Вот в них-то они и попали. Смех и горе рука об руку ходят, даже на войне...

Бабушка говорила, ты на белом коне в Берлин мечтал въехать. Я иногда даже представляла, как бы ты в логове немецком на лошади смотрелся - высокий, красивый с шапкой кудрявых черных волос, со своей знаменитой на всю Гусиновку улыбкой. Интересно, почему этот ваш район так междусобойно называли – Гусиновка? Вроде гусей там не больно много наблюдалось?.. А после войны тот «птичий» район стали МОПрой величать. По названию улицы. Народ у нас такой – как чего скажет... Жаль, мечта о Берлине не сбылась... Не на лошади, не пешком...

Про то, что случилось двадцать первого июля, Наде твои однополчане рассказали, когда бывших фронтовиков и их семьи красные следопыты на тридцатилетие Победы в село Пища пригласили. Говорят «мясорубка» страшная была, потому как соединялись тогда части Красной армии и партизанские отряды. Село Пища в самом «котле» оказалось. Немцы, что

никак свои позиции сдавать не хотели, взор во дворе школы устроили, пулемет фашистский наши наступающие части «косил», никакого сладу с ним не было. Последний оплот вражий столько бойцов положил, что наступление «захлебнулось». Тогда во весь рост с гранатой в руках поднялся высокий черноволосый, с ослепительной белозубой улыбкой помощник командира взвода разведки, лейтенант Александр Ширкин...И на далекой украинской земле шагнул в вечность...Рядом с искореженным пулеметом валялись тела четверых мертвых немцев, рядом лежал русский боец. Наступление продолжилось, наши солдаты пошли в атаку, село было полностью «очищено» от фашистов. Лейтенанта, похоронили там же, во дворе школы, где он совершил свой подвиг. А после войны герои тех дней нашли последний приют на кладбище под памятником с красной звездой. Надюша долго стояла у серого обелиска, глядя надпись, перебирая цветы и шептала: «Вот и свиделись мы, Саша...»

Я все-таки написала тебе письмо, дед. И мне почему-то кажется, что оно дойдет до адресата...